НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ

ДЕЖКИНЪ КАРАГОДЪ

ВСТУПЛЕНІЕ

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА

БЕРЛИНЪ

1925

Отпечатано въ типографіи *Бр. Гиршбаумъ* въ Берлинѣ въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ. Изъ нихъ пятьдесятъ нумерованныхъ отъ *I* до *L*, снабжены подписью автора и въ продажу не поступаютъ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ВѢНЕЦЪ

ВЕНЕЦ

Въ Святой вечеръ шелъ Христосъ и съ нимъ апостолъ Петръ

просимымъ странникомъ шелъ Христосъ съ вѣрнымъ апостоломъ по землѣ.

Огустѣвалъ морозный вечерній свѣтъ.

Ночное зарево отъ печей и трубъ, какъ заря вечерняя, пожаромъ разливалось надъ бѣлой — отъ береговаго угля, нефти, кокса еще бѣлѣе — снѣжной Невой.

Шелъ Христосъ съ апостоломъ Петромъ по загудованному призывными гудками тракту.

*

И услышалъ Петръ: изъ дому пѣніе на улицу.

Пріостановился —

тамъ въ окнахъ свѣчи поблескивали уныво, какъ пѣніе.

И вотъ въ унывное пробилъ быстрый ключъ —
вознеслась рождественская пѣснь:

Христосъ рождается —
Христосъ на землѣ!

Обернулся Петръ: хотѣлъ Христа позвать войти вмѣстѣ въ домъ —
а Христа и нѣтъ.
— Господи, гдѣ же Ты?
А Христосъ — вонъ ужъ гдѣ!
мимо дома прошелъ Христосъ — слышалъ божественное пѣніе, не слышать не могъ — и прошелъ.

Петръ вдогонъ.

Христосъ рождается —
Христосъ на землѣ!

Съ пѣсней нагналъ Петръ Христа.
И опять они шли, два странника, по землѣ.

*

По дорогѣ имъ попался другой домъ:
тамъ шумно пѣсня, и слышно — на голосъ подняли пѣсню,
тамъ смѣхъ и огоньки.
— Подъ такой большой праздникъ безстыжіе пляшутъ!
И Петръ ускорилъ шаги.
И было ему на горькую раздуму за весь народъ:
„пропасть и бѣды пойдутъ, постигнетъ Божій гнѣвъ!“

И шелъ унылъ и печаленъ — жалкій слѣпой плачъ омрачалъ его душу.

Вдругъ спохватился —

а Христа и нѣтъ.

— Господи, гдѣ же Ты?

а Христосъ — тамъ!

или входилъ Онъ въ тотъ домъ и вотъ вышелъ?

Христосъ тамъ — у того дома:

и въ ночи свѣтъ — свѣтитъ, какъ свѣтъ, вѣнецъ на Его головѣ.

Хотѣлъ Петръ назадъ, но Христосъ самъ шелъ къ нему.

И воззвалъ Петръ ко Христу:

— Я всюду пойду за Тобой, Господи! Открой мнѣ: тамъ Тебя величали, тамъ Тебѣ молились, и Ты мимо прошелъ, а тутъ — забыли Твой праздникъ, пѣсни поютъ, и Ты вошелъ къ нимъ?

— О, Петръ, мой вѣрный апостолъ, тѣ моленіями меня молили и клятвами заклинали, но ихъ черствое сердце было далеко и мой свѣтъ не осіялъ ихъ сердце и хвала ихъ негодна Богу, а людямъ постыла; а у этихъ — сердце ихъ чисто и пѣсни ихъ святы и я вошелъ къ нимъ въ домъ. И вотъ вѣнецъ: сплетенъ изъ словъ и пѣсенъ — неувядаемъ, видѣть всѣмъ.

*

Въ Святой вечеръ шелъ Христосъ и съ нимъ апостолъ Петръ.

И въ ночи надъ бѣлой Невой — надъ заревомъ отъ печей и трубъ сіялъ до небесъ

в ѣ н е ц ъ

— пусть эта вѣсть пройдетъ по всей землѣ! —

не изъ золота, не изъ жемчуга,
а отъ всякаго цвѣта красна и бѣла
и отъ вѣтвей Божія рая
неувядаемъ вѣнецъ
отъ словъ и пѣсенъ чистаго сердца.

НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ

ДЕЖКИНЪ КАРАГОДЪ

МОЙ ПУТЬ КЪ ПѢСНѢ

Небольшое, запущенное озеро въ Медонскомъ лѣсу, близь Парижа, — излюблено рыболовами. Они сидятъ вокругъ него съ удочками и часами, съ ангельскимъ терпѣніемъ, ждутъ улова.

Никогда я не думала, что буду здѣсь, у озера, наблюдать какъ французскіе граждане ловятъ рыбу, и вспоминать мое дорогое, мое невозвратное!...

*

Вспомнилось мнѣ родное село Винниково и нашъ прудъ, обильный всякой рыбой. Мать моя была горячій рыболовъ, и когда всѣ старшіе были на работѣ, я помогала матери ловить рыбу, какъ помогала ей во всемъ. Все дѣлала я съ охотой: цыплятъ накормить, крапивы свиньямъ нарвать-нарубить, посуду убрать, ну, а рыбу ловить и гусей стеречь — не любила.

И какое, право, удовольствіе дѣвочкѣ тянуть сѣть по грудь въ водѣ, утопая въ грязи топкаго пруда? Да и ловля бывала на закатѣ солнца, по зорькѣ, когда подруги мои весело играли на выгонѣ въ коршуна.

Ихъ голоса и крики „крра, крра" доносились до меня, возбуждая зависть и усиливая мое нетерпѣніе: — „когда-же, конецъ этой ловлѣ?"

Но мать не дѣлила моего чувства, а еще сильнѣе разгоралась; за спиной въ мѣшкѣ ея трепетало много рыбы.

Но вотъ мы дѣлаемъ послѣдній заходъ, рыбу высыпаемъ въ ведро и я, — къ большой радости, — на берегу, а мать одна принимается ловить раковъ.

Помню, съ ужасомъ я смотрѣла, как она смѣло лазила подъ коряги и въ норы: знала мать гдѣ гнѣздятся раки. И вотъ — полно ими ведро.

Мокрые, спѣшимъ мы огородами домой. Работа кипитъ, горитъ костеръ, варится уха и раки: идутъ съ работы братья, сестры, отецъ, а для нихъ уже готовъ сытный ужинъ.

Мои старшія сестры, статныя дѣвушки, работа ихъ за цѣлый день не беретъ.

Онѣ весело подтруниваютъ другъ надъ другомъ.

Настенька говоритъ, что Дуня не поспѣваетъ вязать снопы за отцомъ, а Дуня въ отвѣтъ, что хотя и медленно вязала она, зато снопы крѣпче Настенькиныхъ.

— Твои какъ въ руки возьмешь, такъ и разсыпятся. —

Любятъ крестьянскія дѣвушки жнитву.

Въ такое время все село на полѣ: есть гдѣ показаться работушкой другъ передъ другомъ.

И какъ не показаться, когда рядомъ, на загонѣ, работаютъ женихи, да будущія свекрови — не ударить-же лицомъ въ грязь.

Работящая дѣвка — сокровище въ домѣ.

Всегда я завидовала старшимъ сестрамъ — онѣ большія —, и чтобы показать что и я не маленькая, старалась подымать мѣры съ зерномъ или картошкой, да за это получала лишь подзатыльники — надорвешься молъ. Я обижалась, но тринадцати лѣтъ поднимала мѣшки въ пять пудовъ. Тогда развѣ знала я, что буду пѣть, а готовилась быть — „сокровищемъ въ домѣ".

Я подсматривала, какъ сестры на ночь мажутъ сливками лицо отъ загара и дѣлала то же; еще таскала я у

нихъ помаду и репейное масло, которымъ онѣ душили волосы, за что также награждали меня подзатыльникомъ.

Словомъ, мѣшали мнѣ всячески стать большой.

*

Отецъ мой былъ Николаевскимъ солдатомъ.

Прослужилъ восемнадцать лѣтъ, а шесть лѣтъ ему подарили за его честную и безпорочную кавалерскую службу.

Былъ онъ стрѣлкомъ, да на ученьи порохомъ засорилъ глаза.

И какъ я помню его, всегда страдалъ онъ глазами, а подъ конецъ совсѣмъ плохо сталъ видѣть.

Въ селѣ всѣ его звали — Солдатъ.

Долгими зимними вечерами, когда прялки сестеръ тихо гудутъ, приходили къ намъ посидѣть, покалякать — почтенные господа мужики: да и къ кому же пойти, какъ не къ солдату бывалому?

Первымъ являлся — Дей Абрамычъ, двоюродный дядя, опрятный и собою красавецъ, и было слышно какъ въ сѣняхъ обметалъ онъ съ валенокъ снѣгъ и отряхивалъ свой тулупъ, а переступивъ порогъ горницы молился на образа и здоровался по военному:

— Здравія желаемъ.

— Милости просимъ Дей Абрамычъ. —

Онъ былъ моимъ любимымъ дядей, а потому всѣми правдами и неправдами старалась я подсѣсть къ нему ближе, пока не бралъ онъ меня на колѣни и не закутывалъ въ тулупъ.

А за нимъ приходили:

Потапъ Антонычъ. — „Во святой часъ со молитовкой" — говорилъ онъ, переступая порогъ.

— Просимъ, просимъ, Антонычъ.

Покряхтывая и обирая ледяныя сосульки съ бороды, тяжело вваливался въ избу дядя Володя, а за нимъ Амеляка-Куликъ, прозванный Куликомъ за свой длинный носъ.

Словно бы сказки, слушала я бесѣды, пригрѣвшись у дяди въ тулупѣ.

Прялка матери умолкала, когда отецъ начиналъ разсказъ про Крымъ, гдѣ отбывалъ онъ солдатскую службу. Ужъ какая тутъ пряжа, когда вспоминалось про прошлое: мать моя только что вышла замужъ, какъ ея Васю забрали въ солдаты, и черезъ годъ отправилась она къ мужу въ Крымъ. Изъ Курска до Одессы на лошадяхъ — тогда не было желѣзной дороги, — а изъ Одессы пароходомъ, до Феодосіи.

Много лѣтъ утекло, уже состарилась мать, а путешествіе свое помнила, какъ будто оно было вчера.

Да прерывалась степенная бесѣда явленіемъ молодого Якушки, сына Потапа Антоныча.

Онъ, по словамъ матери, „какъ бѣсъ съ хвостомъ", вкатывался въ избу.

Якушкина натура была замѣчательна: посидѣть на мѣстѣ чинно-смиренно не могъ. „Пляски, пѣніе, свистъ, гармошка были его всегдашніе сотоварищи; даже постомъ, когда такого не полагалось, пѣлъ Якушка духовные псалмы.

А если не съ кѣмъ ему было поговорить, онъ вслухъ бесѣдовалъ съ лошадью: — „Но, а Но, бросимъ, братъ, пахать, давай покалякаемъ". —

— Якушка, откуда, лѣшій, свалился, уймись, дай старымъ поговорить...

А лѣшій уже завился вьюномъ около сестеръ, мѣшаетъ имъ прясть, сыплетъ прибаутками да наконецъ вспоминаетъ за чѣмъ къ намъ пожаловалъ:

— Гля, чуть не забылъ, тить, тебя мать ужинать зоветъ.

Тогда всѣ вспоминали, что пора ужинать.

Изба пустѣла, мать хлопотала у печи. За столъ, не помывши рукъ и Богу не помолясь не садились, а за ѣдой сидѣть смирно — чинно и „зубы не скалить". Обыкновенно, послѣ ужина, мать и сестры старшія садились за прялки, братъ плелъ лапти, а мы, двѣ младшія, да и батюшка укладывались спать.

Выла вьюга въ трубѣ, ласково гудѣли прялки, братъ Николай тихо постукивалъ свайкой по колодкѣ. Подъ музыку зимы и труда, засыпала я въ нашей тѣсной, но дочиста набѣленной избѣ.

Эту привычку бѣлить и смазывать глиной полъ восприняла мать, когда отбывала съ отцомъ солдатскую службу въ Крыму.

*

Семеро было насъ: отецъ, мать, братъ, да четыре сестры.

Всѣхъ дѣтей у родителей было двѣнадцать, я родилась двѣнадцатой и послѣдней, а осталось насъ пятеро, прочіе волею Божьею померли.

Жили мы дружно и слово родителей для насъ было закономъ. Если-же, не дай Богъ, кто „законъ" осмѣлится обойти, то было и наказаніе: изъ кучи дровъ выбиралась отцомъ-матерью палка, потолще, со словами:

— Отваляю, по чемъ ни попало.

А вотъ и преступленія наши:

Родители не разрѣшали долго загуливаться. „Что-бы засвѣтло дома были," наказывала мать, опуская сестеръ на улицу, потому что „хорошая слава въ коробкѣ лежитъ, а дурная по дорожкѣ бѣжитъ".

Вотъ той славы, „что по дорожкѣ бѣжитъ", мать и боялась.

А если случалось, что мы заиграемся, забудемся, — на выгонъ, изъ-за церкви, показывалась мать. Шла она медленно, будто прогуливаясь, руки держала позади — эту манеру мы знали: разъ руки за спиной, значитъ прячетъ палку. И когда въ пылу веселья, не замѣчали мы ея приближенія, она подходила и „сыновости" ошарашивала палкой старшую изъ сестеръ — „съ тебя молъ, спроса больше".

Претерпѣвъ всенародный срамъ, мы бѣгомъ спѣшили домой, а за нами и улица расходилась: вслѣдъ за „Хроловной" приходила „Федосѣевна" и „Поликарповна" звать своихъ дочерей.

„Вѣстимо: строгая мать — честная дочь".

Доставалось намъ также и за „черное слово"— чортушка, чортъ. Такимъ скареднымъ словомъ въ домѣ у насъ не ругались. А за ложь наказывали престрого.

*

Надо сказать, что, кромѣ матери, всѣ были у насъ малую толику грамотны.

А если я умѣю немного читать и писать, то потому лишь, что горькими слезами выплакала у матери разрѣшеніе ходить въ школу.

Рукава моего сѣренькаго платья были мокры отъ неутѣшныхъ слезъ (платки-то носовые полагались у насъ только въ день воскресный къ обѣднѣ) — такъ убѣдительно просила я мать отпускать меня въ школу.

— Да кто-же корову стеречь будетъ? — говорила мнѣ мать. — Къ тому-же ты молитвы-то знаешь, а замужъ тебѣ не за лавочника идти, не за прилавкомъ сидѣть. Грамота тебѣ не нужна. Вотъ я и безъ грамоты, а до мильена считаю...

Но я думала иное и пуще мочила слезами рукавеники моего сѣренькаго затрапезнаго платья: — грамотѣ учиться хотѣлось.

И тутъ помогъ случай: „не было бы счастья, да несчастье помогло".

Въ канунъ Петрова дня вся наша семья ушла въ поле: крестьяне дорожатъ каждымъ погожимъ днемъ, работа кипитъ отъ зари до зари, а домъ сторожатъ малые да старые. Меня тоже оставили хозяйничать. Уходя мать приказывала:

— Хату не бросай открытой, а то побирухи залѣзутъ. Квасъ въ погребѣ, наберешь огурцевъ и пообѣдаешь сама, а мы до вечера не воротимся.

Была у меня подруга, однолѣтка — Машутка, рябая и немножко съ глушинкой, дочь Амельки-Кулика. Ее я позвала къ намъ коротать длинный день одиночества. Когда пришла пора обѣдать, спустились мы въ погребъ за квасомъ. Погребъ — чего только тамъ нѣтъ: бочка молодого квасу, большіе горшки съ творогомъ, масломъ, сметаной — все собрано за Петровъ постъ, когда скоромнаго не ѣдятъ. А на полкѣ выстроилось много кувшиновъ свѣжаго молока: мать, за три дня до Петра, заготовляла молоко для раздачи безкоровнымъ крестьянамъ, что-бы и они могли разговѣться на праздникъ. И вдругъ шкодливая Машутка, нечаянно толкнула полку и въ единый мигъ кубганы съ молокомъ полетѣли на полъ... Пропало все добро, которое было приготовлено для благой цѣли: Машка оставила бѣдняковъ безъ молока.

Дрожащія, вылѣзли мы изъ погреба. Машутка побѣжала домой, а я осталась одна и съ отчаянія кричала ей вслѣдъ:

— Рябомордая, глухня.

Она была мнѣ ненавистна, какъ розга, которую предстояло мнѣ, по приходѣ матери, отвѣдать.

Оставшись одна, я взяла мѣшокъ, одѣла на руку вязенку и пошла рвать крапиву для свиней. Все, что мать приказала мнѣ сдѣлать, порѣшила я исполнить до точки — даже ненавистныхъ гусей отыскала въ полѣ и пригнала домой, думая тѣмъ умягчить родительскій гнѣвъ.

Время шло: вотъ и стадо съ выгона пылитъ, овцы бѣгутъ, идетъ степенно мамочкина пѣгая корова, жадно визжатъ свиньи, бѣгутъ къ корыту и чавкаютъ мѣсивомъ, которое я сегодня намелко нарубила, посыпавъ обильно отрубями.

Вотъ и мать. Она идетъ раньше всѣхъ, чтобы подоить корову и приготовить ужинъ. Завидѣвъ ее, не бросилась я радостно навстрѣчу, какъ всегда, а ушла подальше отъ избы и сѣла на окопѣ погоста, что былъ противъ нашего дома.

Мать почуяла что-то неладное, манила меня пальцемъ, кричала: „Дежка, иди, ягоды несу".

А Дежкой меня всѣ тогда называли.

Но Дежка не трогалась. Я рѣшила даже и ночью на окопѣ сидѣть: пусть вѣдьмы ходятъ на погостѣ. Розга-то пострашнѣе вѣдьмъ.

Въ душѣ у меня такая кипѣла буря противъ Глухни, что я даже рѣшила въ конецъ загубить свою душеньку и шептала самое грѣшное слово — „чортъ, глухой чортъ".

Вотъ какъ злобилась я на Машутку.

А мать ходитъ по двору, посматриваетъ: все въ порядкѣ.

Но вотъ я слышу, мать ласково уговариваетъ буренушку стоять смирно, значитъ моетъ ей вымя, чего корова не долюбливаетъ, вотъ слышу звонъ падающаго въ доенку молока. У меня сердце забилось: скоро мать все провѣдаетъ.

Процѣдивъ молоко, мать понесла его въ погребъ. Тутъ я сѣла еще подалѣ, на случай, если мать вознамѣрится меня ловить.

Изъ погреба мать вышла тихая. Это всегда бывало, когда она сильно огорчалась. Только пальцемъ мнѣ погрозила:

— Ну вернись ты, домой.

Она мелькала изъ хаты въ амбаръ, изъ амбара въ пуньку; и вдругъ зашла какъ-то въ сторону. Я тутъ смекнула, что она хочетъ обходомъ меня изловить. — И пустилась на погость. Хотя и храбрилась я, покуда было свѣтло, а къ ночной темнотѣ забоялась вѣдьмъ, и пошла къ дому.

Въ избѣ уже горѣли лампадки, лавки и столъ были вымыты: завтра Петровъ день, праздникъ, а у меня, Дежки, тяжесть на душѣ... Вдругъ сзади мать, удалось ей меня схватить. Розга ожгла, я кинулась въ святой уголъ, гдѣ красуется вышитая пелена. Но и святость меня не спасла. Мать наступаетъ, я розгу ловлю, себя защищая, — поймала, переломила, и нечаянно поцарапала прутомъ мамочкѣ до крови лицо. Тогда не помня себя, она схватила меня за волосы да о стѣнку, у меня въ глазахъ потемнѣло. А мать, отойдя отъ гнѣва, черезъ минуту уже плакала надо мной и тутъ, въ слезахъ, я ей разсказала, что во всей бѣдѣ повинна Машутка. Мать мочила мнѣ голову святой водой и шептала: „Что дѣлаетъ лукавый съ человѣкомъ, и откуда такая злоба? Господи, спаси, помилуй“.

Я же, хотя и съ шишкой на головѣ, но чувствовала себя имянинницей: пронесло бѣду.

Мать тутъ-же разсыпалась въ милостяхъ: обѣщала мнѣ купить палевое пальто, щегреневые, со скрипомъ, полусапожки, на завтра взять съ собой въ Коренную Пустынь

на богомолье, сшить козинетовый тулупчикъ, а на зиму пустить меня въ школу.

Первый разъ была мать со мной такъ гнѣвна и въ первый разъ я была такъ счастлива: „буду, слава Те, Господи, въ школѣ“.

*

А Коренная Пустынь въ восемнадцати верстахъ отъ насъ.

Я же дальше лѣса Морозкина и Липовца не бывала, а это отъ насъ въ одной верстѣ. Понятно, что такое далекое путешествіе не дало мнѣ въ ту ночь заснуть.

Я просила мать разбудить меня до восхода солнца: вѣдь на Петровъ день „солнышко играетъ“.

Многіе у нас даже видѣли, какъ оно разными лентами полыхаетъ и вертится. Игры солнышка хотѣла я посмотрѣть.

Мать взбудила меня словами: „солнышко, Дежка, восходитъ“! Скорехонько бросилась я на дворъ, но какъ ни присматривалась, а никакихъ лентъ не видала и солнышко не вертѣлось, а подымалось въ покоѣ.

Вѣрно на нынѣшній Петровъ день оно стало степеннѣе, чѣмъ въ прежніе годы.

Въ Коренную порѣшили идти послѣ обѣда, — раньше матери все равно не управится. Уже носился въ воздухѣ вкусный запахъ калачей, но до обѣдни пробовать ихъ не полагалось.

Нынче въ церковь всѣ выйдутъ нарядныя: сестры надѣнутъ лучшія платья, мы, младшія, будемъ въ розовыхъ, и передники съ пѣтушками, братъ въ малиновой рубахѣ и въ новыхъ сапогахъ, отъ которыхъ пахнетъ дегтемъ, а отецъ, какъ всегда, въ свиткѣ, гдѣ по солдатской привычкѣ все прилажено складочка въ складочкѣ. Отецъ и въ церкви держит шапку по военному.

Къ храму тянутся люди, длинными, яркими лентами. У коновязи стоятъ повозки, крытые коврами, лошади въ богатыхъ сбруяхъ. Это пріѣхали водяновскіе саяны, что въ трехъ верстахъ отъ нашего села. Кто побѣднѣе, — тѣ пришли пѣшими и теперь въ сторонкѣ, надѣваютъ полусапожки, которые, по бережливости, всю дорогу несли въ рукахъ. А бабы водяновскіе, въ шитыхъ золотомъ паневахъ и въ кичкахъ, сверкаютъ множествомъ бусъ.

Въ церковной оградѣ, повстрѣчала я Машутку, она сказала мнѣ, что съ бабушкой идетъ въ Коренную пустынь. Значитъ идемъ вмѣстѣ.

Въ церкви я стала впереди отца и ему часто приходилось меня одергивать, чтобы я стояла смирно; а какъ тутъ устоишь, когда кругомъ такъ много любопытнаго. На лѣвомъ клиросѣ виднѣются пышныя цвѣты на шляпкахъ Рышковыхъ барышень, тутъ же Таничка Морозова въ чудномъ голубомъ платьѣ, вся въ оборкахъ и съ турнюромъ, ну въ точь какъ на картинкѣ, что прилѣплена къ стѣнкѣ въ горницѣ Потапа Антоныча. Такихъ барынь рисовала я на грифельной доскѣ, которую таскала у сестеръ. Нарисую барыню, а позади непремѣнно собачку.

На правомъ клиросѣ сегодня особенно хорошо пѣлъ хоръ, — а въ хору Егоръ, сынъ дяди Дея, и Васютка Степановъ, наши пѣвцы, любимцы всей деревни: у одного альтъ звонкій и чистый, у другого дискантъ. А главное они пѣли „съ понятіемъ“.

Управлялъ хоромъ учитель Василій Гавриловичъ, помахивалъ рукой, — рука бѣлая, тонкая, не такая корявая, какъ у моего брата.

Мать говорила, что другихъ думъ, кромѣ молитвъ, въ церкви быть не должно: „ты какъ свѣча передъ Богомъ должна въ церкви стоять.“

Я же сегодня совсѣмъ на свѣчу не похожа, верчусь, на мѣстѣ не устою, въ головѣ мысли грѣшныя — хорошо бы шляпку такую, какъ на Рышковой барышнѣ и платье въ оборкахъ, какъ на Танѣ Морозовой. Шляпки изъ лопуха, что мы съ Машуткой мастерили, совсѣмъ не годны. Хочется вотъ такую.

— А бѣлая рука учителя помахиваетъ, будитъ во мнѣ честолюбивые замыслы: вотъ въ эту зиму учиться пойду и навѣрное буду пѣть на клиросѣ, голосъ у меня не хуже, чѣмъ у Махорки Костиковой, которую все село хвалитъ. А я, не дальше какъ вчера, въ лѣсу, ее перекричала. Покуда текли мои мысли, отошла обѣдня. Отецъ далъ мнѣ просфоры и мы всѣ, послѣ привѣтствій съ родней, тронулись къ дому, помолясь по дорогѣ на родныхъ могилкахъ. Въ избѣ все было готово и мать ждала насъ разговляться.

*

Послѣ обѣда, мать и бабка Машутки съ котомками за плечами, гдѣ было много лакомствъ, двинулись въ Коренную Пустынь.

Въ рукахъ у нихъ были большіе посошки отъ собакъ, — мнѣ же братъ, по случаю моего торжественнаго выхода, обстругалъ хорошую палку и даже разрисовалъ ее. Я была рада, но братъ, отдавая мнѣ палку, сказалъ:

— На тебѣ, діаконъ патепскій, путешествуй.

Обидѣлась я, и палки не взяла, такъ какъ кличка „діаконъ патепскій" мнѣ была ненавистна. А дали мнѣ ее потому, что моя маленькая, къ верху закорючкой, косица была видно такая-же, какъ у пьяницы и бродяги діакона согнаннаго изъ села Патепика.

Уговорить принять подарокъ, брату было легко. Онъ сказалъ, что какъ я не бродяга и не пьяница, то на

діакона не похожа, а что косичка крючкомъ — то пустяки.

Я даръ приняла.

На удивленіе матери и бабки, мы съ Машуткой, верхомъ на палкѣ, бодро проскакали почти полъ пути. На привалахъ имъ приходилось насъ удерживать.

Не дошли мы еще до Коренной восьми верстъ, какъ передъ нами въ рощѣ, на горѣ, засіяли золотые купола Святой обители.

Бывало, въ своей деревенской церкви, я думала, что такой церкви вѣрно нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ, развѣ только у царя хоромы не хуже, а тутъ такая красота, и не далеко, гдѣ царь, а совсѣмъ отъ насъ близко.

Переѣзжали мы на паромѣ, поднимались по старинной длинной лѣстницѣ. Мимо проходили монахи, неся на рукѣ подолы черныхъ мантій... Все чудеса, чудеса невиданныя.

Отдохнувъ, мы пошли ко всенощной. Народу много, и духота. Я усердно молилась, и не отставая отъ матери, истово била поклоны. Но мать моя вдругъ обернулась и стала шопотомъ укорять стоявшаго позади насъ господина, обличіемъ барина, который дѣлалъ видъ, что усердно молится и что укоры относятся не къ нему. Да мать не проведешь, — у нея не разъ вытаскивали изъ кармана денежки кровныя, завязанныя въ уголкѣ платка, и такая бѣда всегда случалась съ нею именно на богомольѣ; но теперь въ карманѣ ея, не безъ умысла, лежалъ не платокъ, а остріемъ вверхъ арбузный ножъ.

Вотъ на этотъ-то ножъ видно сильно накололся „богомольный" воръ. Мать не оставила вора въ покоѣ, выговаривала ему:

— Безтыжіе твои глаза, нашелъ гдѣ воровать — въ храмѣ Божіемъ. Небось ручка то болитъ, а еще баринъ.

Я представляла себѣ вора всегда бѣднякомъ, а тутъ баринъ — брюки на выпускъ. Охъ, чудеса.

Отстоявъ вечерню, мы отправились на ночлегъ въ монастырскую гостинницу. Послѣ утомительнаго дня я сразу уснула и спала такъ крѣпко, что къ ранней меня не будили. Мать принесла мнѣ нитку красныхъ бусъ и торопила умываться, чтобы поспѣть къ поздней.

Послѣ обѣдни мы сошли внизъ въ часовню, ко Святому колодцу, гдѣ явился образъ Знаменія Божіей Матери.

Несмѣтная толпа богомольцевъ, съ великой вѣрой пришедшая сюда изъ разныхъ губерній россійскихъ за сотни и тысячи верстъ, принесла въ сердцахъ своихъ радости и горести, чтобы выплакать ихъ или чтобы благодарить за тихія милости Пресвятую Владычицу.

Я помню, когда приносили къ намъ въ деревню эту чтимую святыню; всѣ отъ мала до велика надѣвали лучшія одежды. Мылись-чистились избы и столы застилались самыми лучшими скатертями, точно къ Свѣтлому Празднику.

Ежегодно свершались въ нашей избѣ акаѳисты Пресвятой Богородицѣ, а послѣдній разъ, въ 1918 году, въ родномъ Винниковѣ была у меня всенощная передъ образомъ... И вотъ теперь, когда я живу на чужбинѣ, вдругъ точно Божія милость, появляется здѣсь, въ Парижѣ, родная святыня. И какъ припала я къ ней, — хлынули ко мнѣ трепетныя волны воспоминаній.

Было въ тотъ день почти пусто въ посольской парижской церкви, а посрединѣ, на аналоѣ, увѣнчанный розами покоился образъ, изъ-подъ котораго трогательно виднѣлись концы простого, шитаго крестикомъ, полотенца. Какъ все это дорого, какъ близко сердц — точно повидалась я со всѣми родными, побывала въ нашей бѣленой горницѣ.

Вотъ почему не разстаюсь я съ сухимъ цвѣткомъ, который дала мнѣ сестра изъ святого вѣнка, осѣнявшаго образъ...

*

Прожили мы въ Коренной три дня и мать рѣшила пойти въ городъ Курскъ и уже оттуда домой.

Увидѣть городъ — вотъ чудеса, — тотъ дальній городъ, откуда къ намъ въ ясный день доносится тихій благовѣстъ. Я не разъ слушала бархатный курскій звонъ, долетавшій до насъ за многія версты. И вотъ я иду, нѣтъ ѣду, на расписной палкѣ и Машутка не поспѣваетъ за мной. Скорѣе, скорѣе-бы, — городъ.

— Мама, что тамъ бѣлѣется большое?

— Это, Дежка, ворота московскія. Поставили, сказываютъ, ихъ, какъ къ намъ въ Курскъ изволила Государыня Екатерина Великая жаловать. Вотъ въ ворота тѣ, она, матушка, и въѣзжала.

Недалеко отъ воротъ, у хмураго желтаго зданія, работали люди. Были всѣ они въ сѣромъ, какъ одинъ, и сѣрыя шапки безъ козырьковъ.

— Кто, мамъ, такіе: чай, школьники?

— Нѣтъ, несчастные. Господь ихъ вѣдаетъ за какія дѣла сюда ихъ послали. Только несчастные.

И мать ступила къ одному изъ нихъ и дала пятакъ.

— Пріийми, милостеньку, Христа ради.

Я тихо спросила: „а они не разбойники“.

— Можетъ есть и разбойники. Арестанцы они.

Мы шли по длинной и ровной Московской улицѣ, которая мнѣ показалась прекрасной. Отъ удивленія, засунувъ палецъ въ ротъ, я спотыкалась на каждомъ шагу и еле поспѣвала за матерью, „глазѣя“ по сторонамъ.

А шляпки встрѣчались одна наряднѣе другой, а надъ головой висѣли балконы. Дивило меня ихъ устройство:

безъ подпорокъ, они словно висѣли-бы въ воздухѣ и очень напоминали мнѣ большія сѣрыя гнѣзда ласточекъ. И Машутка примолкла, а ротъ открытъ. Такъ и дошли до собора.

На колокольнѣ собора курскаго знаменитъ Чудо-Колоколъ. Его Божій звонъ плыветъ чистой и мощной волной по окрестностямъ. По вечерней зорѣ мы не разъ всей семьей выходили на крыльцо избы, благовѣйно слушая дальній бархатный благовѣстъ.

Горячо я молилась въ соборѣ и давала всяческіе обѣты, — замужъ не идти и всѣмъ сказать, чтобы меня не дразнили „сенькой сопатымъ и женихомъ", еще попрошу, чтобы отецъ отдалъ мнѣ старыя ясли, а мать попонки изъ приданаго моего, а остатнее пусть себѣ заберутъ.

Я же ясли прикрою попонками, заставлю ихъ на зиму снопами и, по примѣру древнихъ сподвижниковъ, удалюся отъ міра въ пустынь. Далеко забираться въ лѣсъ на житіе отшельное страшно мнѣ; надо думать можно спастись и въ ясляхъ на огородѣ.

Еще дала обѣтъ не сердиться и у Машутки прощенія просить, что потихоньку ругала ее чернымъ словомъ.

Изъ собора пошли мы ночевать въ Дѣвичій Монастырь, къ знакомымъ монахинямъ. По дорогѣ, гдѣ были лавочки съ пряниками, я забыла, что въ подвижнической жизни надобно воздержаніе, и все приставала, что-бы мать пряника мнѣ купила. Просто глаза разбѣгались: разноцвѣтныя коврижки и бѣлые коньки, карамель всякая въ золотой бумагѣ, на концахъ бахрома. У Козурки, нашего деревенскаго лавочника, такого и не бывало.

*

Въ Дѣвичьемъ Монастырѣ всѣ знали Акулину Фроловну и встрѣтили насъ привѣтливо. Монахини гладили меня по головѣ.

Монастырскій дворъ былъ выстланъ краснымъ кирпичемъ, въ елочку. У каждой кельи цвѣтовъ было множество. Тишина. Монахини не ходили, а какъ-бы скользили безъ шума. Хорошо, какъ въ раю.

У двухъ старушекъ-монахинь, къ которымъ мы пришли ночевать, кроткія лица такъ и свѣтились тихой радостью, а глаза были ясные, какъ у дѣтей. Старшую звали Милетина, а которая помоложе — Конкордія.

Уютныя кельи устланы самодѣльными ковриками, лампады теплятся у образовъ. Покойная тишина и запахъ русскихъ монастырей: кипариса, ладана, мνро.

Насъ угощали чаемъ съ вишневымъ вареньемъ и сдобной булкой. Подавала на столъ келейница Поля, некрасивая, но милая дѣвушка.

Вдругъ за дверью послышался молодой голосъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. —

— Аминь, отвѣтила мать Милетина.

Въ келью вошла молодая монашка въ остроконечной черной повязкѣ, съ блѣднымъ лицомъ. Она попросила благословенія у матушки Милетины и пригласила ее на спѣвку: матушкѣ Милетинѣ, хотя и было уже подъ шестьдесятъ, но была она лучшій канонархъ монастырскій.

И вотъ мы въ церкви стоимъ, а съ лѣваго и праваго клироса идутъ тихо и стройно черныя монахини. Вотъ стали онѣ полукругомъ передъ Царскими Вратами, а посреди матушка Милетина съ морщинистымъ, но тонкимъ лицомъ, прекрасная въ своей черной мантіи.

— Гласъ шестый. Господи воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя.

Проникновенному альту плавно отвѣтилъ весь хоръ. Въ нѣжной волнѣ голосовъ слышался мягкій басъ. Къ моему удивленію, баскомъ пѣла тоже монахиня: бываетъ...

Я еле сдерживала слезы умиленія. Множество свѣчей, какъ стая огненныхъ мотыльковъ, колыхалось надъ огромными серебрянными подсвѣчниками, заливая свѣтомъ своимъ драгоцѣнныя ризы святыхъ. У большого образа Матери Божіей играетъ разными огнями множество лампадъ. Къ этому образу чинно подходили и прикладывались богомольцы. Тамъ стояла монахиня и вытирала со стекла слѣды поцѣлуевъ чистымъ полотенцемъ. Сіяли пелены, изумительно расшитыя золотомъ. Все сіяло изумительной красой.

Меня охватилъ молитвенный восторгъ, я твердо порѣшила уйти въ монастырь...

*

Не разставалась я съ мыслью уйти въ монастырь и когда мы вернулись съ богомолья домой. Въ моей дѣтской головѣ стояли образы кроткихъ монахинь.

Прошли праздники, закипѣла работа. Мнѣ дѣла было много, да еще любимаго: ѣздить въ поле съ отцомъ, таскать тамъ снопы и навивать возы, а за это, въ награду, возвращаться сидя высоко на возу и сбрасывать снопы на гумнѣ.

Черезъ три дня началась молотьба, — вотъ раздолье.

Поставили сушить снопы на току. Рожь золотится на солнцѣ, пахнетъ свѣжая солома, амбаръ и половень открыты: вся жизнь здѣсь, на току.

Подъ густой ракитою стоитъ ведро студеной воды. То и дело покрикиваютъ:

— Дежка, дай воды!

Сестра Маша на три года старше меня. Сидитъ Маша въ тѣни и вышиваетъ на пяльцахъ. Она у насъ немного хромая, — а потому ее мало тревожатъ: она всего больше занимается рукодѣліемъ.

И любила же я, когда дома была молотьба: какъ станутъ по мѣстамъ, да какъ взмахнутъ шестью цѣпами — заговорятъ гулко цѣпы — только снопы подскакиваютъ.

Ну и жадные на работу, какъ будто боятся, что у нихъ отнимутъ ее. Въ одинъ мигъ копны двѣ уже обмолочено, а къ вечеру уже обмолоченъ весь одинокъ ржи, и выросъ золотой скирдъ соломы, а на скирдъ я взберусь и оттуда лечу кубаремъ прямо подъ ноги сестрамъ. Тѣ роняютъ носилки, и пока соберутся меня ловить, — я уже далеко.

— Ну подожди ты, діаконъ патепскій, — кричатъ мнѣ во слѣдъ, да я знаю, что всѣмъ весело на молотьбѣ и угроза мнѣ не страшна. Одна только Маша хмурится. Бѣдняжка завидуетъ, что не можетъ раздѣлить съ нами такую работу...

*

А за молотьбой и Покровъ близко.

Съ нетерпѣніемъ ожидала я Покрова: первое въ школу пойду, а второе предстояла на Покровъ свадьба Аѳоняки, старшаго сына Потапа Антоныча. Всѣ говорили, что свадьба должна быть богатая: Аѳоняка въ городѣ жилъ, а вернулся домой хорошо одѣтымъ, съ деньгой.

— Умный малый, сберегъ копейку, не пьяница, — говорили бабы. А когда вышелъ на улицу Аѳоняка въ суконной поддевкѣ, въ шалоновой рубахѣ, да въ новыхъ сапогахъ съ наборомъ и глубокихъ калошахъ, то всѣ бабы даже поахали.

— Ну и малый.

Афоняка былъ такой-же веселый, какъ и Якушка, его младшій братъ.

Невѣста была сирота, Татьяна Абрамьевна, красивая дѣвушка, работящая, а пѣвунья — лучше не надо. Служила она съ малыхъ лѣтъ въ горничныхъ у Рышковой барышни.

Имѣніе Рышковыхъ за рѣкой, въ деревнѣ Каменевка, и бывало какъ запоетъ Татьяна въ барскомъ саду, у насъ слышно.

Она пѣла пѣсни, а не кричала, какъ обыкновенно въ деревнѣ дѣвки пѣсни кричатъ.

Голосъ у нея былъ, какъ чистое серебро. Барыня Татьяну любила и надѣлила хорошимъ приданымъ.

Татьяна и Афанасій — пара чудесная.

Богатъ Покровъ свадьбами. Всѣ стараются Покровскія свадьбы справлять: на Покрова у крестьянина всего полная чаша.

Все собрано, заготовлено, полны закрома зерна.

О богатыхъ и говорить нечего, но даже и у такихъ небогатыхъ, какъ мы, къ Покрову всего вдоволь.

У моего отца было семь десятинъ пахоты. На семью въ семь человѣкъ — это немного, но родители мои были хозяева крѣпкіе и при хорошемъ урожаѣ и у насъ были достатки. Бывало зайдешь въ амбаръ: закрома полны, пшено, крупы, на балкахъ висятъ копченые гуси, окорока, въ бочкахъ солонина и сало. А въ погребѣ — кадки капусты, огурцовъ, яблокъ, грушъ. Спокойна душа хозяйская, все тяжкимъ трудомъ пріобрѣтено, зато благодать: зимой семья благоденствуетъ.

Мать усердно гоняла насъ въ лѣсъ: дикія яблоки для сушки возами возились, мѣшками таскали орѣхи, которые припрятывались до Рождества. Было и у насъ изобиліе.

И вотъ на Покровъ день, съ ранняго утра, у Потапъ Антоныча поднялась въ домѣ горячка: готовятся къ пированью.

Мой отецъ и мать были приглашены почетными поѣзжанами.

Къ полудню все готово. Брякаютъ бубенцы, сытые кони не стоятъ на мѣстѣ; кони гордость Потапа Антоныча, у него на конюшнѣ всегда сытые кони.

Тронулся свадебный поѣздъ, трезвонятъ бубенцы, залилася гармоника, мелькаютъ яркія шали поѣзжанокъ; женихъ по невѣсту поѣхалъ.

Поѣздъ двинулся кругомъ, черезъ плотину, а сестры Афанасія и мы переправились на лодкѣ, и прямо черезъ садъ въ усадьбу Рышковой.

Во флигель, гдѣ обряжали невѣсту, трудно было войти: всѣ окна облѣплены любопытными, сѣни полны народа, но мы то родня и насъ въ горницу пустили.

Только что благословляли Татьяну посаженные отецъ и мать. Всѣ заплаканы, всѣхъ опечалила пѣсня, которую пѣли подружки, расчесывая косу невѣсты. Эту протяжную, жалобную пѣсню всегда поютъ невѣстѣ-сиротѣ, но обыкновенно до конца не доводятъ и прерывается пѣніе рыданіемъ подругъ и невѣсты:

У воротъ на елкѣ, у воротъ на елкѣ,
Слеталися пчелки, слеталися пчелки,
Одной пчелы нѣту, пчелиной матушки.
Пчелиная матушка въ отлетъ отлетѣла, —
— въ отлетъ отлетѣла.
Къ Татьянѣ въ бесѣду, съѣзжалися гости,
Одного гостя нѣту, гостя дорогого —
— батюшки родного.
Татьянинъ батюшка, онъ у Бога на порукахъ.
Просился у Бога съ небесъ да на землю,
На сиротскую свадьбу,
— сиротскую свадьбу,
Сироту посмотрѣть, какъ сирота снаряжена
Съ кѣмъ посажена, кѣмъ благословлена.

Татьяна растроенная, взволнованная, ждала жениха. И вотъ послышались голоса: „ѣдутъ, ѣдутъ“.

Подружки засуетились, выбѣжали на крыльцо, навстрѣчу жениху, который уже въѣзжалъ въ ворота.

Запѣли подружки:

Ой прилетѣлъ да сивой голубь изъ чистого поля,
А сизая голубушка съ зеленой дубравы,
Встужилася, взгоревалася по волѣ Татьяна:
Охъ, свѣтъ, ты моя, охъ свѣтъ, ты моя, батюшкина воля
Охъ свѣтъ ты моя, охъ свѣтъ ты моя, матушкина нѣга,
Такой воли, такой нѣги, у свекра не будетъ.
Стоятъ кони за воротами, а всѣ осѣдлавши,
Вороные, за широкими, хорошо прибравши.
Разыгрались, разыгрались, кони вороные,
Побѣжали, побѣжали въ сады зеленые,
Поскусали, потоптали цвѣты голубые,
Позади ихъ шла Татьянушка, плакала — рыдала.
Она плакала — рыдала, цвѣты собирала,
Она цвѣточки собирала, на ленту вязала,
Своему другу Афанасьюшкѣ шляпу убирала.
У Афанасьюшки, у Потаповича за шляпой цвѣточекъ.
Ой кто-же тебѣ далъ, ой кто подарилъ —
Татьяна дружочекъ!

Женихъ ступилъ изъ повозки и съ дружками взошелъ на крыльцо. Подруги невѣсты сдѣлали заставу, требуя выкупа. Онъ грозитъ—силой возьму, но застава стоитъ крѣпко. Женихъ бросилъ рубль — дороги не даютъ. Бросилъ три — заставу сняли.

Степенно входили въ горницу поѣзжане.

Кланяясь, встрѣчала ихъ Татьянина тетка:

— Милости просимъ, сваточки, сваточки. —

Женихъ и невѣста стояли у краснаго угла. Невѣста держала подносъ и двѣ рюмки, а женихъ графинъ съ водкой.

Рядомъ съ невѣстой сваха держала дары.

Поѣзжане подходили подъ рюмочку, получали даръ, вытерали имъ губы, и отъ себя одаривали невѣсту: клали на подносъ деньги. Дары перевязывались черезъ плечо.

Когда обрядъ съ дарами былъ оконченъ, всѣ усѣлись за столъ. Нареченные сидѣли на вышкахъ.

Дѣвушки запѣли:

Ой по морю — морю, да по синему морю,
По широкому раздолью
Тамъ плыли, восплывали да четыре утены,
Да четыре молодыя
Первая утена, напередъ выплывала, напередъ выплывала
Во теремъ заглядывала,
Что во теремѣ играютъ, во высокомъ гутораютъ,
Столы выдвигаютъ, дубовые накрываютъ,
Полотна катаютъ, сундуки накладаютъ.
Татьяна Абрамьевна по сѣнюшкамъ ходитъ
Тяжело воздыхаетъ:
Охъ холсты, холсточки, холсты мои льняные,
Не годъ я васъ пряла, не два собирала,
Пришла негодина, веселая вечерина,
Весь даръ раздарила,
Я свекру рубашку, свекрови другую,
Милымъ деверечкамъ всѣмъ по порточкамъ,
Милой золовушкѣ, изъ косушки ленту,
Изъ косы голубую,
Носи украшайся, замужъ собирайся.

Тутъ гармонистъ приложился щекой къ мѣхамъ гармоніи и разсыпался мелкимъ бисеромъ плясовой. На средину горницы выплыла сваха со сватомъ. Ужъ какихъ только колѣнъ не выкидывалъ сватъ: то присядетъ, то вдругъ побѣжитъ, будто хочетъ сваху схватить. А сваха разгорѣлась и полушалка упала и дрожитъ на головѣ бѣлый, шитый чепецъ.

Когда гармоника смолкла, у свахи въ рукахъ появилась тарелка и графинъ. Подружки вышли изъ-за стола и стали „объигривать" поѣзжанъ. Наполнивъ рюмки, онѣ запѣли, обращаясь къ моему отцу:

Пойдемъ рядомъ, пойдемъ рядомъ по боярамъ,
Найдемъ гостя, найдемъ гостя, молодого
Васильюшку Абрамыча молодого,
Василюшка человѣкъ славный и богатый,
Славился подъ Москвою своей казной и любовью.

Игрицы объигрывали моего отца и его „боярыню"— мою мать. Всѣ знали, что Василій Абрамычъ любитъ помучить игрицъ: онѣ пѣли, а рюмка стояла не тронутая. Запѣли отцовскую любимую:

Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ похаживала
Молодая боярыня Акулина Фроловна свѣтъ.
Она ходила — похаживала,
Говорила — поговаривала,
Говорила — поговаривала своему другу — милому голубчику бѣлому
Все Василію Абрамовичу:
Охъ другъ мой миленькій, разголубчикъ бѣленькій,
Прикажи, сударь, карету подавать,
Во каретушкѣ шесть лошадей,
Чтобъ кучера были молоденькіе
Чтобы коники вороненькіе,
А форейторы пріубраны, принапудрены, напомажены.

Отецъ, ради шутки, выпивъ рюмку, ничего не положилъ въ тарелку. Игрицы просили:

Васильюшка отдари, отдари.
И насъ игрицъ не мори, не мори,
Вѣдь насъ игрицъ немножко, немножко,
Съ игрицей девяносто, девяносто.

Тогда „бояринъ" не спѣша досталъ деньги и къ общему удовольствію бросилъ на тарелку копейку.

Игрицы не остались въ долгу и запѣли:

У нашего гостя, у нашего гостя
Карманы худы.

Тогда отецъ сдѣлалъ видъ, что достаетъ гаманъ съ деньгами. Сваха, приплясывая, подняла тарелку надъ головой, а всѣ подхватили:

Ой что въ столѣ гремитъ,
Ой что въ дубовомъ гремитъ,
Васильюшка казной шевелитъ,
Абрамовичъ, золотой.

И самой веселой пѣсней стали задобривать „боярыню“:

Какъ на горькѣ, на горушкѣ,
Какъ на горькѣ два терема стоятъ.
На теремѣ, на теремѣ, два голубчика сидятъ,
На теремѣ два голубчика сидятъ,
Они промежъ себя рѣчи говорятъ,
Разговоры разговариваютъ
Про такого удалого молодца,
Про Василія Абрамовича,
Что Василій Абрамовичъ, онъ богатый именитый человѣкъ,
Все по Курску по городу гулялъ,
Пятаками дорогу устилалъ,
Полтиной по городу швырялъ
Рублемъ ворота отворялъ,
Съ подъ неволи сиротъ выкупалъ.

Отецъ кинулъ на тарелку три рубля, игрицы завертѣлись вихремъ:

Благодарствуй Васильюшка на твоемъ большомъ дару,
Что горазде игрицъ даритъ
Не рублемъ полтиной, золотою гривной.

За отцомъ, въ чередъ, поднесли чарочку моей матери. Она игрицъ не мучила, а выпила сразу, только попросила красненькаго, потому что зеленаго не уважала. Выпивъ, мать плеснула остатки въ потолокъ, чтобы молодые „побрыкивали“, и опустила на тарелку полтину.

Въ ея честь пѣли и плясали старательно: всѣ знали, что и сама Акулина Фроловна большая пѣвунья-игрунья.

Я видѣла, какъ загорѣлись у матери свѣтлые глаза, какъ трудно ей удержаться, чтобы не выскочить, не ударить „въ три ночи", но поѣзжанамъ еще не полагается пляски: должны они сидѣть за честнымъ столомъ.

Залюбовалась я матерью — такъ она оживилась: голова заправски повязана кубовымъ платкомъ, изъ-подъ повязки выбилась на лобъ прядь, какъ не спрячетъ — все выбивается.

По моему прятать прядь и не слѣдуетъ, она очень матъ украшаетъ. И какъ красиво ея новое коричневое платье съ широкими рукавами, бѣлый воротничекъ и турецкая шаль на плечахъ. Лучше матери нѣтъ никого. Ну, конечно, никого нѣтъ.

У кого же такое чистое хорошее лицо. А голубые, добрые глаза, а зубы — веселая бѣлизна — когда она засмѣется, у кого есть такіе?

Мнѣ стало скучно, что она далеко сидитъ отъ меня и не могу я къ ней подойти и прижаться.

*

Да, любила я мать. Бывало, какъ уйдетъ она изъ дому, все я смотрю въ ту сторону, откуда она должна показаться. Помню, я всегда спала у нея въ ногахъ, помню, какъ обнимала и цѣловала ея крестьянскія жесткія ноги, въ трещинахъ отъ загара, не знавшія устали ради насъ...

Она надорвалась-бы, лишь было-бы хорошо ея дѣтямъ.

Бывало придетъ изъ города усталая, измученная, а съ сіяющимъ лицомъ бережно достаетъ виноградъ, купленный на работные гроши и насъ всѣхъ одѣлитъ. А мы знаемъ,

что она не побаловала себя даже однимъ зернышкомъ-виноградиной.

Наша милая мать.

*

За свадебнымъ столомъ, рядомъ съ матерью сидѣлъ баринъ, маленькій, сѣденькій старичекъ — управляющій имѣніемъ Рышковыхъ.

На деревнѣ его прозвали „Чортъ Возьми", за его любимую приговорку, которую онъ повторялъ, чуть ли не на каждомъ словѣ. А усы да борода у Чортъ Возьми были совершенно желты отъ табаку.

Сейчасъ онъ веселъ, краснорѣчивъ, вотъ встаетъ, говоритъ:

— Сегодня, чортъ возьми, я душевно радъ. Моя любимица, чортъ возьми, Татьяна—дѣвка хорошая, сирота, а умная, чортъ возьми. И ты, братъ Афанасій — молодецъ, чортъ возьми.

Моя мать, не любившая чернаго слова, дергала его за рукавъ:

— Семенъ Петровичъ, батюшка, ну что ты, подъ святыми, да такимъ словомъ непутевымъ...

Но Семенъ Петровичъ не унимался, онъ даже прослезился, когда сказалъ что Татьяна, чортъ возьми, сирота, и что судьба послала ей хорошаго, чортъ возьми, жениха.

Всѣмъ понятны слезы Семена Петровича, онъ самъ одинокій холостякъ, а ласковая Татьяна, какъ дочь, заботилась — украсила его старость. Лишается онъ теперь этой радости.

Пированье идетъ къ концу, скоро повезутъ въ церковь невѣсту. Мои сестры поспѣшили къ лодкѣ, чтобы попасть на вѣнчанье. Отъ нихъ не отстала и я.

Къ вечеру, изъ-за лѣса Мороскина, отъ деревни Каменевки, заслышались бубенцы. Я юркнула въ толпу народа у церкви. А среди любопытныхъ Фенька Боглаева, Филиппиха и Стефаниха, прозванная за неопрятность свою Желтоножкой — лютыя сплетницы деревенскія, судачутъ, да стараются разглядѣть все получше, даже и то чего нѣтъ. Приближается свадебный поѣздъ, народъ загудѣлъ.

— Гля, гля, двѣ подводы съ добромъ и коврами покрыты.

— Сундукъ-то агромадный, а укладка поменьше — хихикнула тутъ Желтоножка.

— Да-ть, можа, онъ и пустой, сундукъ. Кабы она намъ его показала — прошипѣла Фенька Боглаева.

Придурковатая Филиппиха дернула носомъ и захихикала:

— Сундукъ-то, сундукъ, можа онъ и пустой, а можа съ полѣномъ: въ подъ ковра не видать. А вотъ невѣста — щуплая, жиденькая, для нашей работы не годисся, это ей не тарелки у господъ лизать.

Тутъ сторожиха Лукерья заступилась за невѣсту:

— Ну и языкъ у тебя Филиппьевна. И никому-то ты проходу не дашь. Ты на себя посмотри: ни кожи, ни рожи. Эхъ ты, — честная вдова.

Филиппиха вскипѣла:

— Дыть, пускай она съ мое поживетъ. Мой покойной Лоривонъ, Царство ему Небесное, злой былъ, чортъ ему въ животъ, ужо на смертномъ одрѣ лежитъ, а самъ дерется... Во, домовой. Не жисть, а каторга.

А тѣмъ временемъ невѣсту и жениха уже ввели въ церковь.

Хоръ пѣлъ торжественно, паникадило горѣло, на аналоѣ лежали свѣчи средь алыхъ цвѣтовъ: богатая свадьба.

По обычаю лицо Татьяны было закрыто шалью, и когда сняли платъ я увидѣла, какъ блѣдна Татьяна. Она опустила глаза и пока длился обрядъ не подняла ихъ.

По душѣ пришлась мнѣ Татьяна.

Я полюбила ее и не ошиблась тогда мое дѣтское сердце.

Послѣ вѣнца все устремилось ко двору Потапа Антоныча.

На порогѣ горницы, в шубѣ на выворотъ, съ хлѣбомъ-солью стояли Феодоровна, мать Афанасія, а рядомъ Потапъ Антонычъ съ образомъ и чарочкой. На полу былъ постланъ еще полушубокъ, шерсть къ верху, что бы молодые были богаты.

Когда новобрачные взошли на крыльцо, ихъ засыпали хмѣлемъ, а Потапъ Антонычъ, тряхнувъ головой, вымолвилъ:

— Добро пожаловать, молодайка, во святой часъ со молитовкой.

Подъ окнами заплясали и запѣли, величая молодыхъ:

Во горенькѣ, во новой,
Стоитъ столъ дубовой,
Какъ на этомъ на столѣ,
Скатерточка нова
И нова и бѣла,
Въ пятьдесятъ цѣпковъ ткана.
Какъ за этимъ за столомъ
Да сидитъ голубь молодой,
Со голубушкой сизой.
А што голубь, а што сизый
Свѣтъ Афонюшка душа.
А голубушка сизая,
Татьянушка хороша.
Съѣзжались, собирались,
Шуры — братія его,
Дивовались, дивовались,
Молодой женѣ его.
То ли баба, то ли баба,

Молодица хороша.
Охъ кабъ эта молодица, —
Младу въ руки вручена.
Я бъ бѣлилъ — румянъ купилъ,
Я бъ не билъ, не журилъ
Ужъ я лѣтнею порою.
Во колясочкѣ возилъ
А зимою — студеною,
На саняхъ-козыряхъ,
На саняхъ-козыряхъ,
На ямщицкихъ лошадяхъ.

Гудѣла горница пляской, пѣснями, заливался гармонистъ, дробнымъ жемчугомъ разсыпался Якушка: то соловьемъ засвищетъ, то выкрикнетъ — „разъ, два, чище!" Ну и отвелъ же душу, ну и уважилъ.

А средь гула слышалась пѣсня подвыпившаго Потапъ Антоныча.

Сколько я его помню, всегда онъ пѣлъ ту-же пѣсеньку:

Черезъ рѣченьку, черезъ быструю,
Да лежитъ доска, тонки — хлестки.
По тѣмъ доскамъ я ходила,
Одну доску проломила.
Да журилъ — бранилъ меня свекорь,
Да бранилъ — журилъ не за дѣло,
Все-жъ за самое безделіе.

Ужъ близко къ полуночи, попеняла мать сестрамъ, что я еще тутъ глазѣю, когда давно пора мнѣ спать: завтра въ школу идти.

Нашъ дворъ и дворъ Потапъ Антоныча, были перегорожены только плетнемъ и до зари доносились къ намъ пѣсни и гулъ пляски...

*

На утро долго будила меня мать.

Утро радостное. На переборкѣ, надъ кроватью, весело бѣгали солнечные зайцы. Въ избѣ пахло блинами.

Виситъ на шестѣ мое розовое платье, передникъ съ пѣтухами и щегреневые полусапожки, что за „шишку“ я получила. Ужъ не разъ я въ нихъ щеголяла.

Сегодня, для мягкости, полусапожки мои смазаны саломъ.

И вотъ я нарядно одѣта, въ моей косичкѣ красуется лента, которую мнѣ подарила діаконова дочь, Наталья Ивановна, за то, что я носила продавать ея стряпни пирожки на станцію желѣзной дороги: два мѣсяца назадъ провели въ трехъ верстахъ отъ нашего села чугунку. И на удивленіе всему селу прогремѣлъ, дыша огнемъ, поѣздъ.

Тутъ то Наталья Ивановна и порѣшила кормить путешественниковъ теплыми пирожками.

А кто же, какъ не Дежка, поспѣетъ къ поѣзду, пока пирожки не остыли.

Я охотно бѣгала на чугунку, очень много было тамъ любопытнаго, много разныхъ господъ, и хотя страшилась я чернаго чудовища-паровоза, но и къ нему попривыкла, а свой товаръ сбывала удачно: Натальѣ Ивановнѣ всякій разъ приносила пустую корзинку и денегъ двадцать пять копѣекъ. Въ награду за такую торговлю получала я одинъ пирожекъ, — дѣйствительно сдобный — и копейку въ придачу. А вотъ сегодня прислала Наталья Ивановна хорошую ленту.

Повязана моя голова бѣленькимъ, съ желтой каемкой, платкомъ, а по тому случаю, что тулупчикъ мой еще не готовъ, нарядили меня въ материно козинетовое полупальточко.

Помолились Богу, и я степенно и важно вышла на улицу, — впервые, кажется, не вприпрыжку.

Около школы толпились дѣвочки, мальчики.

Дверь была еще закрыта, я успѣла оглядѣться: много незнакомыхъ, но много и Винниковскихъ.

Хотя и весело было тутъ, все же сердце билось тревожно.

Вотъ застучалъ деревянный засовъ, распахнулась широкая дверь и туда хлынулъ потокъ яркихъ платочковъ, картузовъ, большихъ отцовскихъ шапокъ.

Въ гомонѣ дѣтскихъ голосовъ трудно разобрать, кто чего хочетъ. Я, новичекъ, скромно жалась, почтительно всѣмъ уступая дорогу; даже пинки, которыми меня угощали, безотвѣтно терпѣла. Я не отходила отъ Серафимы, дочери священника. Она была подруга моихъ игръ, а училась уже второй годъ и могла за себя постоять.

Но вотъ раздался голосъ: „По мѣстамъ". И въ просторномъ, бѣломъ классѣ утихло: на порогѣ стоялъ учитель, Василій Гавриловичъ.

Высокій, съ пріятнымъ лицомъ, въ сѣромъ костюмѣ, бѣлосиѣжный воротничекъ, манжеты, очки золотыя, а штиблеты такъ и блестятъ.

Меня еще не было на свѣтѣ, когда онъ уже учительствовалъ у насъ.

Мужики его любили: „умный нашъ Василій Гавриловичъ, добрая душа, честности непомѣрной, настоящій баринъ, даромъ что бѣдный, а все село по милости его грамоту знаетъ".

Такъ говорили господа мужики, да еще прибавляли:

— Это не чета Богданову-барину, того мы и въ глаза не видимъ, только его управляющій, нѣмчура, знай ему деньги высылаетъ, а баринъ ихъ въ карты проигрываетъ.

И дѣйствительно мужики говорили не даромъ: какъ разъ въ эту зиму управляющій получилъ телеграмму.

„вывози, что можешь и что успѣешь, имѣніе уже не мое, завтра пріѣдетъ новый хозяинъ".

Богдановское имѣніе было проиграно въ карты.

А учителю нашему несли къ празднику, кто что могъ, всякую живность, да и зерно: любили Василія Гавриловича...

Учитель поздоровался. Пропѣли „Достойно есть" и сѣли мы по мѣстамъ. Со мной рядомъ сидѣла Махорка Костикова, а Машутка сзади насъ. У самой стѣны сидѣлъ Гришка Черкесовъ изъ деревни Богдановки.

Этотъ смуглый, какъ цыганенокъ, парнишка былъ бичемъ школы. Онъ сидѣлъ два года, а то три, въ первомъ классѣ.

Гришка тотчасъ-же дернулъ меня за косичку. Я покраснѣла до слезъ, но дать сдачи при учителѣ не посмѣла.

Моя однолѣтка Сашутка Сименихина, два сына ктитора, Ваня и Вася, Надька Гаврикова, да сынъ лавочника Козурки, Миша, всѣ мы сегодня впервые пришли въ школу и были потому тихіе, боязливые, а Гришка Цыганенокъ чувствовалъ себя королемъ и щипалъ насъ немилосердно — кто подъ руку попадался.

Учитель тѣмъ временемъ вызывалъ старшихъ къ доскѣ. Наконецъ, онъ подошелъ къ намъ, держа въ рукахъ бѣлыя карты, на которыхъ были написаны черныя буквы.

Онъ показалъ намъ одну и сказалъ, что буква эта называется — „А".

— Ну скажите всѣ разомъ — а...

— А-а-а — отвѣтили мы хоромъ, но вышло очень нескладно и Гришка передразнилъ. Учитель строго посмотрѣлъ на него и сказалъ, что поставитъ въ уголъ „столбомъ", если онъ еще разъ позволитъ что-либо.

— А-а-а — снова повторили мы разомъ. А Гришка вдругъ заблеялъ:

— Бээ-бээ.

Василій Гавриловичъ покраснѣлъ и тутъ-же приказалъ Гришкѣ стать въ уголъ. Цыганенокъ стоялъ наказанный, а я подумала, что дѣйствительно мы блеемъ точно овцы. И еле удерживалась, чтобы не послѣдовать Гришкину примѣру.

Такъ мы одолѣли три буквы, учитель ушелъ въ свою комнату, классъ зашумѣлъ.

Первая перемѣна...

А на второмъ урокѣ, намъ уже роздали букварй, доски, грифеля и задали урокъ писать палочки. Признаюсь, у меня эти палочки плохо выходили, такія несуразныя каракули — пузатые.

Учитель покачалъ головой и сказалъ:

— „Ужъ ты, Винникова, постарайся, а то для перваго раза что-то плохо.

И помню, на третьемъ урокѣ, учитель принесъ потертую скрипку и роздалъ старшимъ ноты: впервые я увидѣла урокъ пѣнія...

*

Вотъ я и учусь.

Теперь попривыкла: мнѣ все дается, только палочки, овалы и полуовалы дурно выходятъ, какъ ни стараюсь.

Не одолѣю ихъ вѣрно и до самой смерти.

Гришки уже не боюсь: первое, сама ему сдачи даю, а второе у меня защитники есть — Ваня и Вася, сыновья ктитора, ребятки неозорные, добрые...

Стала зима. Какъ хорошо сидѣть по зимнимъ вечерамъ въ теплой избѣ.

У сестры Маши научилась я вышивать на пяльцахъ и теперь меня не тянетъ изъ дому: подругъ вижу въ школѣ, а дома работа, которая мнѣ по нраву.

Подошли святки. Неумолчно гудутъ прялки сестеръ, а мать мотаетъ пряжу и готовитъ красна.

Зима снѣжная, сугробы вровень съ крышей. Славно кататься: заберешься на крышу сарая и мчишься-летишь прямо на рѣчной ледъ.

Уже появились на свѣтъ Божій любимцы мои: кроткіе, нѣжные ягнята. Мать всегда выносила ихъ изъ хлѣва погрѣться въ избу и сажала на печку. У меня пріятная должность ягнятъ караулить, чтобы съ печки, часомъ, они не упали.

Мать и сестры уже выпряли всѣ замашки и ленъ, основали красна, теперь внесутъ въ избу станъ и будутъ сестры навивать пришву, а мать начнетъ ткать холсты.

Я досадовала, когда вносили въ горницу неуклюжій станъ, который застилъ свѣтъ, занимая полъ избы, но „цевки" сучить я любила.

Подъ широкой лавкой, на которой я работаю, стоятъ три лукошка, а въ нихъ сидятъ на яйцахъ гусыни — злѣйшіе мои враги. Не люблю этой птицы. Онѣ высиживаютъ птенцовъ, а кому стеречь — Дежкѣ.

У противныя, даже опустить ногу съ лавки нельзя, кусаются, шипятъ, точно змѣи. Еще хорошо, что сижу около мамочки и слушаю, какъ она шепчетъ молитвы. Всѣ молитвы, какія знаетъ, она перескажетъ и наступитъ на приножку и пуститъ въ зѣвъ гладкій блестящій челнокъ:

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа...

Быстро мелькнетъ челнокъ, въ ловкихъ рукахъ застучитъ бердо, „стукъ-стукъ", а уста все шепчутъ святыя слова.

Я усердно, за совѣсть, сучу цевки, чтобъ были крѣпкія, — мамочкѣ хочу угодить — насучу штукъ пятнадцать, въ коробочку сложу: что мать мнѣ сдѣлать велѣла, то я и сдѣлала. А она мнѣ за работу дастъ кусокъ сахару и скажетъ.

— Все равно, что конфета.

Иногда убаюкивало меня мельканье челна, стукъ берда, да теплая спина мамочки, и я засыпала. За окномъ, бывало, бушуетъ вьюга, завываетъ на разные голоса въ трубѣ, бѣшенно мечетъ солому на крышѣ, а мнѣ и не страшно. И просыпалась я уже на постели, не вѣдая, кто и какъ меня туда перенесъ.

*

Въ этомъ году, къ веснѣ, лучше всѣхъ расцвѣла у меня вѣтка черемухи. Подъ Андрея Первозваннаго поставили мы въ бутылки черемуховыя вѣтви и загадали: у кого расцвѣтетъ, тотъ будетъ счастливъ. У сестеръ зачахли, а моя вѣтка на удивленіе пышная.

Всѣ говорили:

— Это ты будешь счастливая.

„Ну значитъ въ монастырь уйду", думала я. „Въ томъ мое счастіе".

А на дворѣ весна... Снѣгъ почернѣлъ, сталъ рыхлымъ, проталины засинѣли, солнышко еще въ робости, а припекаетъ. Потапъ Антонычъ, встряхивалъ головой и почасту говорилъ:

— Благодать, во святой часъ. Надобно загодя съѣздить въ городъ, а то черезъ недѣльку половодье заступитъ.

И правда, недѣли черезъ двѣ, подъ окнами у насъ расшумѣлся ручей.

Мы съ Машуткой устроили состязаніе, выбѣгали изъ избы босякомъ, залазили въ рыхлый снѣгъ: кто дольше въ снѣгу простоитъ, тотъ молодецъ.

Молодцомъ всегда бывала я, но и подзатыльники получала тоже я, если кто изъ старшихъ примѣтитъ этакой спортъ.

Въ избѣ не усидѣть, такъ свѣтла весна на дворѣ. Сестры моютъ, скребутъ у нашего ручья, чтобы даромъ подъ окнами не шумѣлъ. Мать кончила ткать; вынесли станъ, избу бѣлятъ: скоро заступитъ Великій День.

Кто же не знаетъ радости радостей, Свѣтлаго Христова Воскресенія?

Послѣ суроваго поста, послѣ зимней тѣсноты въ избѣ, послѣ упорнаго труда, приходитъ вешній великій праздникъ, а съ нимъ и святой заслуженный отдыхъ.

Съ вѣрой и чистотой готовятся встрѣтить крестьяне Праздниковъ-Праздникъ.

Святая, великая суббота...

Въ тонкомъ сумракѣ вечера теплятся лампады, столъ покрытъ скатертью съ раскату, посреди стола миски съ крашенными яйцами, а въ углу, подъ образами, завязанный въ бѣлоснѣжный платъ, стоитъ куличъ, готовый для освященія.

Утренняя суета стихла, только за печкой неугомонный сверчокъ-гурюканъ, зазимовавшій у насъ, точитъ свои ножнички въ тишинѣ.

Отецъ еще управляется со скотиной, а мать переодѣваетъ платье, чтобы идти въ церковь. Ожидая мать, я то и дѣло подхожу къ куличу и еле удерживаюсь, чтобы не отковырнуть изюминку, а то сахарный бисеръ. Но мать предостерегаетъ:

— Смотри, Дежка, не оскоромься, уже не долго ждать. Вонъ Настенька и Дуня съ пятницы маковой росинки въ ротъ не брали — все жениховъ вымаливаютъ...

Мать вышла въ сѣни. Тихо скрипнула дверь, пахнуло свѣжестью вешняго воздуха. Пелена у образовъ покачалась, чуть дрогнули лампады, и забѣгали тѣни по ликамъ святыхъ, — будто ожили лики.

Въ избѣ осталась я, да гурюканъ. Сегодня всю ночь мать жарила и пекла, а гурюканъ теплышко любитъ, — вотъ и заливается трескотней.

Я ступила къ куличу; больно пахнетъ душисто, — но оскоромиться, Боже, сохрани. Лѣтося былъ такой грѣхъ, я отковырнула кусочекъ, а потомъ горько и долго мучилась.

Мои раздумья надъ куличомъ прерываетъ голосъ отца:

— Мать, а мать. Пора въ церковь, народъ уже собирается.

— Я готова — отвѣчаетъ мать.

На дворѣ темень и отецъ идетъ съ фонаремъ впереди.

— Не упади опять — говоритъ онъ, когда мы переходимъ ручей.

Шумѣвшій утромъ ручей, сейчасъ затихъ и чуть слышно воркуетъ, будто боится нарушить величіе Святой Ночи. А недѣлю назадъ такой онъ былъ буйный: шумѣлъ, грохоталъ, тащилъ за собой все, что встрѣчалъ по пути, спадая въ глубокій оврагъ. Изъ году въ годъ, въ половодье, оврагъ ширится, углубляется: скоро къ нашей избѣ подойдетъ.

Разъ ручей принесъ и выбросилъ подъ мое окно дары: деревянную куклу. Краска съ нее давно была смыта, но радость моя не стала отъ того меньше.

Другой разъ, нашъ ручей подарилъ мнѣ большую раковину. Она переливалась радугами и я рѣшила, что раковину принесъ ручей съ какого ни на есть дальняго моря и что вотъ изъ этой самой-то раковины и дѣлаютъ тѣ пуговки, которыя такъ мнѣ нравятся...

А на прошлой недѣлѣ, ручей надѣлалъ мнѣ и бѣды: хотѣла его перейти, но подмытая доска провалилась и по колѣна я шлепнулась въ бѣгущую, мутную воду.

Мать осердилась, что я промочила онучи и лапти, меня загнала на печку, а лапотки мои поставила просушить. Утромъ мать достаетъ ихъ изъ печи, а одинъ лапоть сгорѣлъ. Эхъ бѣда, лапотки-то были новые. Николай сплелъ мнѣ ихъ изъ тонкихъ лыкъ, съ вѣнчикомъ. Я поплакала, а сестры и теперь меня дразнятъ:

— Дежка, а куда твой лапоть подѣвался...

Въ темнотѣ, по селу, мелькаютъ, плывутъ разноцвѣтные огоньки; невидимая рука несетъ ихъ къ храму, который весь свѣтится, какъ тихая Купина Неопалимая.

Въ церковной оградѣ легъ бѣлый вѣнокъ изъ узелковъ съ куличами: святить принесли.

Пахнетъ свѣжая травка, пусть ее притоптали мужицкіе каблуки. На паперти въ тихой бесѣдѣ сидятъ прихожане. Обыкновенно шумливые мальчишки попритихли. Нельзя и подумать, что вокругъ церкви и въ ней такое множество народа.

Благоговѣйная тишина. Слышенъ всѣмъ чистый голосъ Мишутки Стефановича, читающаго дѣянія.

Но вотъ чтецъ дѣяній апостольскихъ смолкъ, только слышно сдержанное покашливаніе. Вотъ заколыхалась надъ головами Плащаница, тихо поплыла, сокрылась въ алтарѣ. И зазвенѣли серебрянныя хоругви, закачались надъ толпой образа, высокое распятіе, и одна за другой вспыхнули свѣчи, кротко озаряя лица. По щекамъ у многихъ катятся слезы. Тишина.

Тогда не дивилась я ни тишинѣ, ни слезамъ, тогда Дежка, какъ всѣ, переживала благостную минуту. И теперь я знаю, что нѣтъ драгоцѣннѣе сокровища у чело-

вѣка, чѣмъ эти слезы — тайная вечеря души, свершаемая въ святой тишинѣ.

— *Воскресеніе Твое Христово Спасе, Ангелы поютъ* на небеси и насъ на землѣ сподобити чистымъ сердцемъ Тебя славити.

Я прижалась къ матери, и вся — слухъ. Святое пѣснопѣніе, то приближалось, то удалялось; крестный ходъ идетъ кругомъ церкви.

Снаружи, у запертыхъ дверей, послышался возгласъ батюшки:

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его...

Ликующе понеслось въ отвѣтъ:

— Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смертъ поправъ и сущимъ во гробѣ, животъ даровавъ.

— Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнетъ. —

— Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смертъ поправъ... — ликовало уже въ храмѣ.

Вспыхнула, побѣжала огненная змѣйка, зажглось паникадило, ярче засверкала бѣлая риза священника.

Лица озарены, улыбаются: все отошло — горе и злоба. Отдыхаетъ душа.

Крестомъ, убраннымъ цвѣтами, священникъ осѣняетъ молящихся.

— Христосъ Воскресе.

— Воистину Воскресе, воистину...

Крѣпко живетъ во мнѣ память о свѣтлыхъ дняхъ милаго дѣтства. И крѣпка во мнѣ вѣра, данная моей безграмотной матерью.

Мать, да будетъ благословенно имя твое. Сокровище, завѣщанное тобой я не потеряла и здѣсь на чужбинѣ. Оно даетъ мнѣ силы сносить горечи обидъ, даетъ надежды дождаться свѣтлаго будущаго...

*

Еще я спала, а Машутка уже прибѣжала за мной звать на качели. Доносились изъ-за перегородки голоса сестеръ и подругъ: Домочки, сестры Якушки, и Параши Куликовой, старшей Машуткиной сестры.

Онѣ наряжались къ ўлицѣ. Домочка тревожно тараторила:

— Пришли ребята Богдановскіе и Заверскіе съ гармошкой, а наши говорятъ, пусть они только попляшутъ, мы имъ ноги-то поламаемъ, — къ нашимъ дѣвкамъ дорогу забудутъ, у нихъ свои есть, мы къ ихнимъ не ходимъ... Ой боюсь, дѣвоньки. — Якушка будетъ задираться, азарной онъ, настырный...

Дальше я не слушала, — убѣжала на качели.

А тамъ недотолпное.

Ребята качаютъ дѣвокъ, а Калинычъ, парень Заверскій, разливается на гармоніи. Ну и пригожъ Калинычъ: на картузѣ, надъ правымъ ухомъ, павлинье перо, рубаха красная, вышитая, и суконная поддевка на распашку. Дѣвки на него заглядываются, наши ребята хмурятся.

Я давно слышала, что наши парни не любятъ Заверскихъ и Богдановскихъ и обзываютъ ихъ „хамами". А потому они „хамы", объяснила мнѣ мать, что Богдановскіе — бывшіе крѣпостные помѣщика Богданова, тожъ и Заверскіе, вотъ и называются „хамы", а мы, Винниковцы, были всегда государственные, не барскіе.

Не любили Винниковскіе ребята, когда „хамы" приходили къ намъ „хварсить" передъ дѣвками. И нагнало грозу: Якушка подъ чужую гармошку не пляшетъ, а Иванъ Алешинъ прямо обѣщаетъ гармонью Калинычу разбить.

— Ишь, хамова, ястреба, куражится! — свирѣпо плюнулъ Иванъ, повернулъ отъ качелей, а за нимъ ребята.

А дѣвки тѣ пляшутъ, онѣ рады гостямъ: качаются, играютъ въ горѣлки.

У меня подругъ много, и мы завели свои игры около мельницы.

Играли въ „селезня“: становились всѣ въ кругъ, брались за руки, „утка“ ходила по кругу, а „селезень“ за кругомъ. Селезень утицу старался поймать, „ворота“ ему закрывали, пѣли:

Селезень утку гоняетъ,
Молодой, сѣрую загоняетъ:
Пойди, утица, домой,
Пойди, сѣрая, домой,
У тебя семеро детей,
Девятая утка: —
Шутка Машутка,
Селезень Васютка,
Кочетъ Ивашка,
Курица Парашка.
Селезень утку загонялъ,
Молодой, сѣрую, загонялъ...

Играли еще въ „коршуна“, въ „пашню“... И вдругъ донеслись отъ качелей испуганные крики. Я побѣжала туда, а сестра Маша, блѣдная отъ испуга, схватила меня за руку:

— Пойдемъ, Дежка, домой. Иванъ Калинычу гармонію разбилъ, Якушка и нашъ Колька ему помогали. У Николая рубаха разорвана, онъ пьянымъ-пьянъ. Его домой повели. Достанется Николаю отъ тятечки.

*

Въ избѣ отецъ сидѣлъ туча тучей. Онъ уже видалъ Николая, но слова ему не сказалъ, — что съ пьянымъ говорить.

А мать горевала:

— Малому девятнадцать лѣтъ и никогда не пилъ. А все пріятели.

— Я вотъ покажу ему завтра пріятелей, молокососу, грозно сказалъ отецъ.

Когда Николай проспался, отецъ поговорилъ съ нимъ сурово, а чтобы ему не повадно было въ другой разъ напиваться, да еще въ Свѣтлый Праздникъ, — выгналъ Николая изъ дому: что бы ноги его не было.

Ой, никогда не былъ отецъ такимъ страшнымъ.

Мы тайкомъ носили брату обѣдъ, и съ нетерпѣніемъ ждали, когда отецъ его проститъ.

И вотъ среди ночи, насъ разбудилъ стукъ въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ отецъ.

— Тятечка это я, — послышался дрожащій голосъ брата.—Я пришелъ сказать — только-что шелъ я черезъ погостъ мимо могилы Костика, сторожа церковнаго, котораго вчерась схоронили, а онъ въ могилѣ стучитъ

— Мели Емеля, твоя недѣля — засмѣялся отецъ. Но Николай увѣрялъ, что онъ всѣхъ сосѣдей разбудилъ и они тоже слышали, какъ покойникъ стучитъ.

Отецъ велѣлъ ему ложиться спать и мертвецовъ по ночамъ не безпокоить.

Не знаю я, стучалъ ли покойникъ, или братъ это выдумалъ, чтобы вернуться домой, но напугалась сильно. Спряталась къ матери подъ мышку и не засыпала отъ страха всю ночь: какъ бы Костикъ съ погоста къ намъ не пришелъ. Погостъ-то близко, напротивъ...

*

Свѣтятъ — мелькаютъ вешніе дни. Уже расцвѣла и зеленѣетъ весна, наша желанная гостья.

Березка, гордость матери, довѣрчиво распустила подъ окномъ свои длинныя зеленыя кудри. Если-бы она знала

какъ съ разбѣга будутъ качаться ребята на ея зеленыхъ кудряхъ, не опустила бы ихъ такъ низко къ землѣ.

Подъ березкой сидятъ сестры, Домочка, а съ ними молодайка Татьяна. Онѣ бѣлятъ холстъ: мочатъ его въ кадкѣ со щелокомъ и растилаютъ по зеленой травѣ. Холсты сохнутъ на солнцѣ, а Татьяна вышиваетъ первенцу своему чепчики и рубашечки, дѣвушки себѣ приданое, и всѣ поютъ:

И водица льлѣетъ, трава зеленѣетъ,
Сады расцвѣтаютъ, соловьи распѣваютъ,
Кукушки кукуютъ: у кукушки нѣтъ дружка...

Издали, съ огорода слушаю я пѣніе: я караулю огородъ съ коноплей.

Только успѣю прогнать воробьевъ, какъ сядутъ вороны, прогоню воронъ, а пѣтухъ ужъ сзываетъ куръ: „пожалуйте, молъ, конопли вкусной откушать".

Я бѣгаю изъ конца въ конецъ по огороду, кричу:

— Тучу, тучу.

Пернатые воры особенно нахальны яснымъ утромъ: они вовсе не боятся моего помощника — Чучела, которого я смастерила на страхъ врагамъ изъ тряпья, съ растопыренными руками и съ трубкой въ зубахъ. Воробьи надо мной просто смѣются: усядутся на голову пугала и оживленно чирикаютъ. Ну что тутъ подѣлаешь? Только и жду, когда конопля взойдетъ.

А тутъ еще забота: у меня за сараемъ садъ и растетъ въ томъ садочкѣ—мята, заря, ноготки, да подсолнухи.

Тамъ изгородь нужно поправить, лѣтось я сама забила колушки, заплѣла плетень, да осенью меринъ Потапа Антоныча, мой плетень завалилъ. А во всемъ виноватъ Якушка: меринъ ушелъ изъ конюшни въ бурьянъ,

а Якушкѣ и горя мало—знай посвистываетъ, пока Потапъ Антонычъ не хватился.

— Якушка, идолъ мѣдной, ты что-же это мерина упустилъ? Загоняй, подъясельный, скорѣй. Прямо не узнать скотины.

И впрямь, у мерина черная грива и хвостъ отъ репьевъ и татарокъ сбились въ сѣрый колтунъ.

Якушка погналъ мерина, тотъ плетень мой завалилъ, а Якушкѣ поправить Богъ удали не далъ. Вотъ и нужно наново самой загораживать...

Весна хороша, да гуси одолѣваютъ: каждый день ихъ на рѣчку гоняю.

За такими моими трудами подходитъ и Троицынъ День.

*

На Троицу выгонъ села Винникова пестритъ нарядной толпой. Выбѣлены и убраны зелеными березками избы, разукрашенъ цвѣтами и зеленью храмъ. Троица нашъ Престольный праздникъ.

Я поднялась до заутрени, дѣлъ много: нужно сбѣгать въ Мороскинъ лѣсъ за цвѣтами. Машутка меня ждетъ.

Чуть боязно идти намъ въ чащу: первое, сегодня русалки свирѣпствуютъ и могутъ защекотать. Мы идемъ до заутрени, а какъ въ колоколъ еще не ударили, русалки свободно разгуливаютъ. Другая опасность — дѣдъ Парменъ, сторожъ: ему только попадись. Ой, и злющій-же. Онъ сторожитъ сѣнокосы Рышковой, а тамъ на бугрѣ какъ разъ растутъ цвѣтики, такіе красивые, какихъ нигдѣ нѣтъ.

У дѣда толстая дубинка и если застанетъ кого на сѣнокосахъ, — бѣда.

— Ухъ, вы, проликъ васъ расшиби, — крикнетъ Парменъ и пуститъ въ догонку, подъ ноги, дубинку, ну, такъ и норовитъ ноги переломать. Страшно.

Посовѣтовались мы съ Машуткой и рѣшили все-же за цвѣтами идти. Машутка-первенецъ, я послѣдышъ, и боятся намъ нечего, русалки первенцовъ и послѣдышей не трогаютъ. И дѣдъ Парменъ вѣрно не ждетъ, что мы такъ рано на сѣнокосы придемъ, авось не увидитъ. А цвѣтовъ свѣжихъ нужно: на Троицу пріѣзжаетъ тетка Стеша изъ Бесѣдиной, она пойдетъ къ обѣднѣ, а я ей цвѣтовъ соберу, и отцу, и матери, и нашу икону украшу свѣжимъ вѣнкомъ.

Дѣдъ Парменъ насъ и не чуялъ: мы дали крюка и обошли его сторожку. Все было тихо и набрали мы полныя охапки цвѣтовъ, еще мокрыхъ отъ росы.

Домой торопились, чтобы успѣть къ утренѣ.

Въ церкви тѣсно и душно; не помогаетъ даже сквознякъ изъ настежь раскрытыхъ сѣверныхъ и южныхъ дверей, а служба долгая, торжественная. Вотъ дѣвочка чужого села упала, ее вынесли; вотъ молодайка, саянка водяновская, „на голосы заиграла".

Вывели молодайку подъ руки, а кругомъ зашепталась:

— Порченая, должно Кузьмихина вѣдьма испортила, пропасти на нее нѣту...

Вчера я уговорилась съ подругами, между утренней и обѣдней побѣжать къ березкѣ, что на опушкѣ Морoскина лѣса, и подъ березкой, какъ и въ прежнія Троицы, покумится. Я снова выбрала себѣ кумой Машутку: дала ей поцѣловать мой крестикъ, а она мнѣ свой. Наскоро пообѣщались мы быть вѣрными подругами, заплели зеленые вѣнки и побѣжали къ обѣднѣ.

На Троицу нѣтъ въ селѣ двора безъ гостей.

Множество народу изъ самыхъ дальнихъ селъ, понаѣхало гулять къ Престолу.

Когда обѣдня отошла, всѣ повалили на выгонъ, а на срединѣ его уже раскинули свои палатки пріѣзжіе купцы.

У большой палатки, молодой приказчикъ, надрываясь, зазывалъ покупателей:

— Тульскихъ, вяземскихъ, медовыхъ.

Долго я выбирала, что мнѣ купить, — хотѣлось и вяземскихъ и тульскихъ и царской карамели, да и орѣшковъ воловскихъ, но денегъ у меня всего три копейки, даръ брата Николая: много не купишь. Подумавъ, купила я на копейку сѣмячекъ, на копейку пряниковъ и на копейку карамели. Завязала все въ узелокъ и побѣжала искать подругъ.

Гулянье въ разгарѣ. Водятъ хороводы Водяновскія сянники. Онѣ, хотя и нашего прихода, но у нихъ и нарядъ и пѣсни другія: водяновскія дѣвушки, какъ одна, въ черныхъ сарафанахъ, очень узкихъ, съ красной каймой, только цвѣтные платки на головахъ, и всѣ въ бѣлыхъ чулкахъ и въ котахъ, на подковкахъ. Когда плясали водяновскія — дѣйствительно земля говорила.

Молодухи горятъ на солнцѣ кичками, паневами, ослѣпительно яркими передниками. Стали молодухи въ кругъ, одна запѣла.

Ой мать ты моя, Катярина,
На что-жъ ты меня спородила,
Несчастную на горе.
Счастья — доли не дѣла:
Молоду замужъ отдала. —

И всѣ, выбивая на мѣстѣ подковами тактъ, приговариваютъ:

Го со-со, го со-со
Ну еще, ще, ще,
Счастья — доли не дала,
Молоду замужъ отдала.
Свякровушка журлива,
Моя ладушка ряввива —
Го со-со, го со-со,
Ну еще, ще, ще...

Я и про обѣдъ забыла: „го со-со“ заслушалась.

А тутъ запестрѣлъ громадный хороводъ-карагодъ нашихъ Винниковскихъ. Танокъ первыми вели — Демьянъ, Иванъ Алещинъ, Якушка, мой братъ, а за ними паръ двадцать, одна за другой.

Павами выступаютъ дѣвицы, съ „молодецкимъ посвистомъ“, да съ присядкою щеголье Винникова. Поютъ:

— А у насъ на улицѣ, а у насъ на улицѣ,
А у насъ на муравѣ, а у насъ на зеленой
Тамъ много хорошихъ, тамъ много пригожихъ.
Что хорошій молодчикъ, молодецъ Иванушка,
Онъ хорошо ходитъ, да манерно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ, чулокъ не мараетъ,
На коня садится, подъ нимъ конь бодрится,
Онъ плеткою машетъ, а воронъ-конь пляшетъ,
Поѣхалъ молодчикъ, къ стежкамъ-дорожкамъ,
Къ стежкамъ-дорожкамъ, лугамъ ко болотамъ,
Гдѣ водица льлѣетъ, трава зеленѣетъ,
Сады расцвѣтаютъ, соловки распѣваютъ,
Кукушки кукуютъ: у кукушки нѣтъ дружки... —

Пѣсню кончили и къ карагоду ступилъ Сашутка Курановскій, самый лучшій гармонистъ на селѣ.

Его давно ждутъ, но онъ любитъ, чтобы его попросили, да и могарычъ поднесли, — тогда разуважитъ.

Карагодъ растянулся въ большой кругъ.

Якушка засвисталъ, залился прибаутками:

— Ай гдѣ-жъ это видно, отъ кого жъ это слышно,
Что-бы курочка быка родила, а бычекъ поросенка?
Поросенокъ яичко снесъ,
На высокую полочку занесъ,
А полочка свалилася, и яичко разбилося.
Разъ, два, — чище, э-э-хъ!
Я у Машки замашки покралъ,
Голопузому за пазуху напхалъ.

А слѣпой все подсматриваетъ,
А глухой все подслушиваетъ,
Безъязыкій караулъ закричалъ,
Безногій у погонь погналъ, — ухъ ты!

Какъ маковъ цвѣтъ горятъ дѣвичьи лица.

Не одна изъ нихъ спрячетъ сегодня въ укладку узелокъ съ гостинцами или нитку монистовъ, а то и перстенекъ, купленный милымъ на память.

По стародавнему обычаю, будутъ нынче дѣвушки переодѣваться раза четыре, а то пять на дню, — чтобы показать себя передъ пріѣзжими гостями: жениховъ понаѣхала тьма...

И до того меня все увлекло, что я забыла про сѣмячки-пряники: узелокъ такъ не тронутымъ и держала. Какъ-бы не захлебнуться сегодня радостными приливами пѣсенъ. Мететъ, летаетъ кругомъ яркоцвѣтный, ликующій вихрь.

Я ношусь отъ карагода къ карагоду, Машутка едва за мной поспѣваетъ; она кличетъ меня — ей пить хочется, ѣсть, а я не слышу: душа моя настежь раскрыта.

Но вотъ у карагода замѣтила я огромнаго рыжаго мужика и онъ сразу спугнулъ мою радость.

„Орѣшка-разбойникъ съ постоялыхъ дворовъ" — пронеслось въ головѣ.

Молва о немъ ходила дурная: будто выходитъ онъ на шляхъ въ темныя ночи и грабитъ запоздалыхъ мужиковъ. Да узнаютъ его по огромному росту, — ужъ какъ не прячь морду. Разъ недалеко отъ постоялыхъ дворовъ, въ лѣсочкѣ Клюковскій Верхъ, нашли убитаго купца и всѣ были увѣрены, что это дѣло Орѣшкиныхъ рукъ. Съ той поры въ одиночку мужики въ городъ не ѣздили, а сбирались обозами. Я съ испуганнымъ любопытствомъ всмотрѣлась въ лицо разбойника, но сегодня онъ совсѣмъ

не страшенъ, — глаза ясно блестятъ веселымъ довольствомъ. Въ суконной сѣрой поддевкѣ и въ красной рубахѣ, опоясанной зеленымъ широкимъ кушакомъ, рыжiй дядя вовсе не походилъ на разбойника. А какъ запѣлъ, украсила пѣсня его лицо:

Разсыпался дробенъ жемчугъ, разсыпался,
Подсыпался къ краснымъ дѣвкамъ, къ карагоду —
Поиграйте, красны дѣвки, поиграйте,
Пошутите вы молодушки-молодыя,
Прiударьте во ладони, прiударьте,
Раздразните ревнивыхъ женъ, раздразните,
Чтобъ ревнивыя жены выходили,
За собой молодыхъ мужьевъ выводили,
Поиграйте красны дѣвки, поиграйте,
Пошутите вы молодушки-молодыя. —

И только смолкла его пѣсня, какъ парни, красуясь передъ дѣвками, подхватили другую, заведя новый танокъ — карагодъ:

Ой да на рѣчкѣ, на рѣченькѣ,
На песочку, на камушку,
А на бѣленькомъ самородушку
Селезень косицы вьетъ,
А утица купается, сѣрая щеголяется.
А во теремѣ, подъ окошечкомъ,
Дѣвица красуется, и бѣлится, и румянится,
И на улицу собирается.
И на улицу собирается, — ну кому она достанется?
Вотъ досталась дѣвица она мужу старому,
Все старому — неудалому
Неудалой головушкѣ, сѣдой длинной бородушкѣ,
Вотъ сѣдая бородица не пускаетъ на игрища.
Ой за рѣчкой за рѣкой
Близко рѣченька Дуная,
Добрый молодецъ гуляя,
Добрый молодецъ гуляя, онъ все свищетъ, все гуркая,
Ахъ все свищетъ, все гуркая, черной шляпою махая.

Черной шляпою махая, товарищей закликая:
Братцы мои ребятушки,
Щеголье села Винникова,
Вы сойдите на рѣчку, на Дунай,
Вы побейте палички, ой вы побейте палички, —
Положите кладочки.

Тутъ Машутка рѣшительно дернула меня за рукавъ.

— Кума, домой пойдемъ...

Да и правда, — пора: ну, пойдемъ.

И вдругъ вижу подъ ногами бумажку, не такую, какими усыпанъ нынче весь выгонъ, а совсѣмъ другую — зеленую.

— Гля — и сердце трепыхнуло. — Три рубля.

— Ну Машутка къ мамочкѣ бѣжимъ, покажемъ сколько денегъ нашли...

И бросились мы бѣжать, что есть духу.

Машутка, задыхаясь отъ быстраго бѣга, говорила:

— Накупимъ себѣ нарядовъ и все одинаково: тебѣ платье, мнѣ платье, тебѣ полусапожки — мнѣ, тебѣ полушалку красную, какъ у Катюшки Цыганковой и мнѣ. Полупальточки сошьемъ суконныя...

— Сошьемъ, отвѣчаю я. — Столько денегъ-то.

Когда мы пробѣгали избу Потапъ Антоныча, оттуда донеслась его любимая пѣсня: —

Черезъ рѣчку, черезъ быструю
Да лежатъ доски тонки-хлестки...

Ну значитъ Потапъ Антонычъ подъ хмелькомъ: молодежь, та на улицѣ веселится, а старые дома гуляютъ.

И у насъ гостей полно: съѣхались тетки, дядья. Мать неутомимо подчуетъ гостей, хлопочетъ, — раскраснѣлась и необычайно оживлена.

Ея непослушная прядь сегодня просто забіяка: то и дѣло выбивается изъ-подъ чепца надъ правой бровью. Ради праздника, ради дорогихъ гостей, мать выпила рюмку-другую „церковнаго", и вотъ, посмѣиваясь, потѣшаясь, запѣла скоморошную, гульбишную, а всѣ подхватили, приплясывая: —

Вы комарики — комарики мои
Комарушки-мушки маленькія
Комарушки-мушки маленькія,
Всю ночку во лужочку провели,
А мнѣ молодой спокою не дали.
Я уснула на зарѣ,
Я на зорькѣ, на бѣленькой.
На ручкѣ, на лѣвенькой.
Не слыхала, не видала ничего,
Не слыхала, какъ мой милый другъ пришелъ,
Шито-брано приподнялъ,
Здравствуй милая, хорошая, сказалъ,
Здравствуй милая, хорошая моя,
Хорошо-ли почивала безъ меня?
Безъ тебя, мой другъ, постель холодна,
Одѣяльце заиндевѣло,
Подъ перинушку морозъ холоду нанесъ,
Возголовье потонуло во слезахъ,
Долго, съ вечера. стояла я въ дверяхъ,
Тебя, сударь, дожидаючи
Судьбу проклинаючи. —

— Что-же ты, егоза, и обѣдать не идешь? Прямо отъ обѣдни, да на улицу, — перебила себя мать.

Но я съ гордостью показала ей три рубля и засыпала ее заказами, какія намъ обновы купить. Мать не раздѣлила нашей радости: можетъ бѣдный какой обронилъ. Но гдѣ-жъ его искать обронившаго?

— Ну хорошо, куплю, да не такъ много: по платью, переднику, платочку, а теперь, великіе постники — обѣдать.

Отобѣдали и снова на улицу. Мать дала намъ по десятку яицъ на пряники, но сказала, чтобы я погуляла немного, да и вернулась; нужно гусей на рѣчку согнать, а то въ закуткѣ они искричались.

— Эти мнѣ гуси хрипучіе. И зачѣмъ такая подлая птица на свѣтъ народилась. Другіе на улицѣ гуляютъ, а я гусей на рѣчку гони. Вотъ и праздникъ пропалъ...

Но перечить я не посмѣла, мамочка этого не любила. Да и Машутка обѣщала мнѣ помочь гусей гнать: вотъ ужъ вѣрная кума.

Какъ не хотѣлось съ улицы идти, а вернулись домой, выпустили гусей изъ закутка и погнали подъ гору.

Подъ горой, не боясь что насъ кто увидитъ, стали мы съ Машуткой плясать, подражая Татьянѣ и старшимъ сестрамъ. Я запѣла протяжную:

Дунай рѣчка, Дунай быстрая,
Бережечки сноситъ.
Размолоденькій солдатикъ
Полковника проситъ:
Отпусти меня, полковникъ,
Изъ полку до дому.
Радъ-бы я, радъ-бы отпустити,
Да ты не скоро будешь,
Ты напьешся воды холодной
Про службу забудешь...

Пѣла я и прислушивалась къ своему голосу. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы походилъ онъ на Татьянинъ.

А съ горы на плотину съѣзжалъ о ту пору экипажъ, въ которомъ сидѣли сосѣдняго помѣщика барыня и барышни. Поровнявшись съ нами, онѣ замахали платками и въ нашу сторону полетѣлъ большой кулекъ.

Коляска промчалась, а мы съ Машуткой стали сбирать какъ съ неба упавшіе гостинцы: какихъ только сластей не было въ кулькѣ.

Этотъ кулекъ — первый даръ за мою пѣсню...

Прощай-же счастливый день моего дѣтства, спасибо, что посѣтилъ меня утомленную горестями чужбины. Кто думалъ тогда, что погаснетъ моя родина дорогая, что съ голоду умрутъ мои сестры и братья, что смолкнетъ пѣсня привольная.

*

Четыре года такъ быстро пролетѣли, что не успѣла оглянуться, а мнѣ ужъ тринадцать лѣтъ. Давно виситъ въ избѣ на стѣнкѣ, въ рамкѣ подъ стекломъ, мой похвальный листъ объ окончанiи трехлѣтняго сельскаго училища.

Много радости доставила эта бумажка моимъ родителямъ и намъ всѣмъ.

Я теперь вспоминаю, что на второй годъ моего ученiя, былъ въ Курскѣ голодъ и мы, младшiя, получали продовольствiе въ школѣ.

Помню, что питали насъ сытно; почасту давали кулешъ съ саломъ, да кашу гречневую. Мы были посчастливѣе нашихъ родителей: дома у насъ, этой роскоши по милости неурожая не водилось.

Вспоминаю еще одно событiе, которое огорчило меня чрезвычайно. Въ школѣ сидѣлъ со мной рядомъ и всегда былъ моимъ покровителемъ Миша Козурька, румяный мальчикъ, неизмѣнный сопутникъ нашихъ забавъ. Козурька былъ умняга и добрякъ. Во время каникулъ игралъ онъ съ товарищемъ на краю деревни, въ оврагѣ. Вся деревня добывала въ оврагѣ глину для своихъ хозяйственнныхъ надобностей, тамъ образовалась глубокая пещера и туда залазили мальчики играть.

Вдругъ случился обвалъ и похоронилъ заживо моего друга Козурьку.

Другому мальчику удалось спастись. Это было въ полдень, когда люди на отдыхѣ и село замираетъ. Но вотъ огласилась улица криками мальчика: — „Помогите, помогите"... Покуда собрались, покуда откопали, Миша былъ уже мертвъ. Вся деревня стояла въ слезахъ, когда посинѣвшаго несли его на попонѣ домой. Его мачиха, молодая красавица, любившая больше Козурьку, чѣмъ своихъ дѣтей, все падала, изнемогая отъ тяжкаго и нежданнаго горя.

А хоронили Мишу торжественно: мы, его школьные друзья, несли Мишинъ гробъ на полотенцахъ, до погоста. Деревня рѣшила, что въ гибели Козурьки замѣшана нечистая сила. Давыдовна, жившая въ крайней избѣ, у оврага, разсказывала, что за часъ, какъ ребяткамъ придти, видѣла она — выскочилъ изъ оврага полдневной бѣсъ съ рожками съ хвостикомъ и нетерпѣливо забѣгалъ по овражному краю, а самъ ну бормотать:

— Есть часъ, да никого нѣтъ, есть часъ, да никого нѣтъ...

Вотъ и случилась бѣда, что не видѣла Давыдовна, какъ мальчики пришли, а то-бы ихъ упредила.

Я тогда этому вѣрила и боялась отлучаться въ полдень изъ дому, особенно въ лѣсъ: а вдругъ выскочитъ бѣсъ полуденный.

Помню, что все то лѣто я часто ходила на „поденку", зарабатывать деньги на наряды. Работала наравнѣ со всѣми.

Мое желаніе попасть въ хоръ и пѣть на клиросѣ не исполнилось: въ хору пѣли только мальчики.

А мысль уйти въ монастырь не покидала меня, хотя и не мѣшала мнѣ быть первой среди подраставшихъ

игрухъ и плясухъ. Даже мать, сама любившая попѣть-поплясать, иногда говоривала:

— Да уймись ты, угомону на тебя нѣтъ. Васъ съ Якушкой женить, вотъ бы пара была.

*

Семнадцатое сентября, день моего рожденія и ангела. Мать по обычаю спекла пирогъ съ кашей, меня тянули за уши — чтобы больше росла, — а имянинный пирогъ сломили на моей головѣ. Приходили меня поздравлять тетки, дядья, и шутили, что вотъ я и невѣста.

Мать хвалилась, что на палатехъ, гдѣ лежатъ подушки и попоны — приданое старшимъ сестрамъ, — приготовлено и мое приданое: десять попонъ, покрывало, — все сдѣлано изъ своей волны:

— Шесть подушекъ Дежкѣ отложила, она вѣдь гусей-то стерегла больше всѣхъ.

Этотъ день имянинъ я потому помню, что тогда похварывалъ отецъ: залѣзъ на печку и жаловался, что, молъ, удушье одолѣло. Мать въ такихъ случаяхъ всегда была лекаремъ. У нея на чердакѣ сушились разныя травы, которыхъ она собирала въ маѣ множество. Травами она выхаживала насъ всѣхъ ото всякихъ болѣзней. Она и теперь поставила отцу припарки и напоила его звѣробоемъ.

Вскорѣ отецъ оправился и сталъ выходить. Я его помню въ тѣ дни: въ тулупѣ, высокій, худой, тщательно подпоясанный, ходилъ отецъ и осматривалъ конопли. Была уже выбрана конопля и поставлена въ козлы для сушки на огородѣ. Онъ пробовалъ коноплю на ладонь, — не пора ли и молотить.

Черезъ три дня онъ поѣхалъ на мельницу, верстъ за восемь отъ насъ. Выѣхалъ отецъ здоровъ, только покашливалъ.

Минулъ день — отца нѣтъ; обезпокоенныя, мы порѣшили, что на мельницѣ завозъ и что очередь до него не дошла.

Но вотъ къ вечеру показалась повозка: отецъ возвращается. Всѣ замѣтили, что онъ блѣденъ, голова опущена и еле держитъ вожжи въ рукахъ. Лошадь, будто чуя что хозяинъ боленъ, тоже шла еле-еле, понуря голову. Отецъ сказалъ, что ему нѣтъ мочи и не сталъ отпрягать коня, а отдалъ брату Николаю.

Мать уложила больного: отецъ горѣлъ. На разспросы что съ нимъ, отецъ отвѣтилъ, что все было хорошо, былъ онъ здоровъ, на мельницѣ случился большой завозъ и ему пришлось у мельника стать на ночлегъ, а ночью пить захотѣлось, онъ и пошелъ къ ручью. да, не перекрестясь, наклонкой и напился.

— Вотъ видишь, мать, наказалъ Господь. Человѣкъ, какъ скотина, наклонкой и безъ креста пить не долженъ.

Но намъ было понятно, что отецъ застудилъ холодной водой и безъ того не очень здоровыя легкія и что у него горячка.

На третьи сутки, въ ночь, у насъ поднялась суматоха. Меня разбудилъ плачъ сестеръ. Со сна я не могла понять, что происходитъ, и вотъ очнулась и увидѣла сестеръ, брата и мать, стоящую надъ отцомъ, со свѣчою въ рукѣ.

Отецъ, слабѣя, благословлялъ всѣхъ. Меня онъ благословилъ послѣдней. Глаза его были мутны, онъ еле шевелилъ запеклыми отъ жара губами. Немного тяжелыхъ вздоховъ, которыхъ я никогда не забуду, — и отца не стало...

Горе наше, горе... Мать убивалась. Помню какъ причитывала она, обнимая гробъ, обливая его слезами.

Я отъ потрясенія занемогла, а когда встала съ постели, точно выросла лѣтъ на пять. Улетѣла веселость моя. Я притихла.

Отца похоронили, минуло мало дней, какъ стала я просить мать отвезти меня въ монастырь. Мать не не возражала. И я помню ея слова: — „Видно ужъ Господь Богъ направилъ Дежку на путь праведный, истинный".

*

Отвезла меня мать въ Дѣвичій монастырь и отдала подъ заботливую руку тѣхъ старушекъ монахинь, у которыхъ мы ночевали четыре года назадъ.

Старшая матушка Милетина уже сорокъ лѣтъ была монастыркой, а мать Конкордія свыше двадцати. Тяжелымъ трудомъ онѣ сколотили себѣ крошечныя сбереженія и выстроили келію въ четыре покоя: монахини живутъ здѣсь на свои средства, это не общежительный монастырь, всѣ работаютъ сами для себя и каждая по своимъ способностямъ имѣетъ достатки; только ужъ очень престарѣлыя живутъ на счетъ монастырскій. Мнѣ средства къ жизни доставляли изъ дому.

Чтобы постричься въ монахини нужно прожить въ монастырѣ не меньше трехъ лѣтъ, неся послушаніе, а потомъ сдѣлать вкладъ въ триста рублей. Тогда одѣвали въ черную одежду и свершали постригъ въ монашескій чинъ. Но многія дѣвушки несли послушаніе и ходили въ цвѣтныхъ платьяхъ по четыре и пяти лѣтъ, не имѣя для вклада трехсотъ рублей. У моихъ старушекъ была келейница Поля. Она уже шесть лѣтъ въ монастырѣ, а все ходитъ въ цвѣтномъ: вклада не вноситъ. А какъ ей внести, когда она, бѣдная, къ рукодѣлію не способна, заработать не въ силахъ, а сама сирота. Жила она у

старушекъ, работала черную работу и такъ при нихъ и кормилась. Часто видѣла я у Поли заплаканные глаза: желалось ей черного платья да пострига, обительскихъ узъ навѣки.

Троицкій монастырь, куда меня привезли, въ городѣ Курскѣ, на Сергіевской улицѣ. Тутъ же базаръ, трактиры, торговая суета. Въ базарное время и за высокія стѣны долетаетъ уличный гулъ и гамъ.

А въ стѣнахъ обители разлита благостная тишина. Проходятъ, какъ черныя тѣни, монахини. Неугасимая лампада мерцаетъ въ правомъ крылѣ нижняго храма, въ часовнѣ. Тамъ у аналоя, день и ночь дежурная монахиня читаетъ псалтырь, тамъ неустанна молитва къ Престолу Господню объ упокоеніи усопшихъ.

Тоскуя по отцу я часто забѣгала въ часовню ставить заупокойныя свѣчи.

— Идѣ же праведніе упокояются — молилась я.

Вѣдь молиться за упокой его душеньки и отпросилась я въ монастырь...

На разсвѣтѣ, часовъ въ шесть утра, какъ только пройдетъ колотушка, я быстро вставала, умывалась, зажигала лампады и убирала до пылинки большую келію, куда вскорѣ выходила и матушка Милетина. Она благословляла меня и спѣшила во храмъ. Конкордія уходила за нею. Она была „поводырка" и по седмицамъ служила при матушкѣ игуменіи.

Звеняще и глухо ударялъ колоколъ и съ первымъ благовѣстомъ, я тоже спѣшила на молитву.

Наше мѣсто молодыхъ послушницъ было при входѣ во храмъ, съ лѣвой стороны. Подлѣ, за рѣшеткой, тоже слѣва, виднѣлось множество остроконечныхъ черныхъ повязокъ молодыхъ монахинь. А съ правой стороны было мѣсто монахинь скуфейныхъ и тутъ-же, впереди, стояло кре-

сло матушки игуменіи. Когда мы выходили попарно прикладываться ко кресту, то повертывались къ матушкѣ игуменьѣ лицомъ и кланялись ей низко, касаясь рукою земли.

Всѣ монастырскіе уставы нравились мнѣ. Казалось, что въ обители свято все и что грѣшному мѣста тутъ нѣтъ.

Такъ минулъ годъ и другой. Мои покровительницы-старушки уже поговаривали одѣть меня въ черныя одежды, чтобы я могла пѣть на клиросѣ.

Мнѣ тогда шелъ шестнадцатый... И зачѣмъ я выросла, лучше-бы такъ и остаться мнѣ маленькой Дежкой, чѣмъ узнать, что и тутъ, за высокой стѣной, среди тихой молитвы, копошится темный грѣхъ, укутанный, спрятанный. Лукава ты жизнь, бѣсъ полуденный...

А можетъ оттого больно глазаста я стала и душа забунтовала, что судьба звала меня въ даль иную...

*

Помню, подходила Пасха. Меня посылали въ городъ продавать писанки и вербочки съ яркими цвѣтиками. Помню еще, что мои наставницы словно примѣтили мое тогдашнее смятеніе.

— Что ты паучокъ попритихъ?

Но я молчала. Огорчило-бы моихъ милыхъ старушекъ, нарушило бы ихъ святой покой, узнай онѣ, что паучекъ задумалъ выбираться изъ монастыря.

Въ тѣ годы, на пасхальную недѣлю постоянно пріѣзжала въ Курскъ бродячая труппа — большой циркъ. Огромный балаганъ раскидывали на Георгіевской площади. А къ балагану жались разныя чудеса: паноптикумъ, панорама, показывающая войну, кораблекрушенія и прочія происшествія. Тутъ-же звѣринецъ, тутъ-же перекидныя, круглыя качели.

Посмотрѣть — погулять стекались сюда не только куряне, но и сосѣдніе слобожане — изъ Ямской, изъ Стрѣлицкой.

На Пасхальной, помню, недѣлѣ отпустили меня изъ монастыря въ гости, къ сестрѣ Дунѣшѣ, которая служила тогда въ красильнѣ. Я еще ни разу не была на Георгіевской площади и упросила сестру пойти на гулянье.

Сестра катала меня на карусели, водила въ звѣринецъ. Звонокъ зазывалъ публику въ циркъ. На подмосткахъ бѣгалъ клоунъ съ колокольчикомъ и хриплымъ голосомъ уговаривалъ публику скорѣй брать билеты, а то не успѣютъ. Изъ балагана вышла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ красномъ костюмѣ. Она была на удивленіе какъ хороша. Вышли еще на подмостки бояринъ и боярыня въ яркихъ блестящихъ нарядахъ.

Мы рѣшили пойти въ балаганъ — гулять, такъ гулять. „Потомъ стыдно матушкѣ въ глаза смотрѣть будетъ" подумала я, но что-то влекло меня въ балаганъ.

Купили билеты, сѣли на скамьи. Сначала вышелъ хоръ бояръ, пѣли, да танцевали. За нимъ выскочила та дѣвочка въ красномъ платьицѣ. Она быстро бѣгала по проволокѣ, вертѣлась.

„Такъ кувыркаться и я бы, пожалуй, могла, учеба только нужна", думала я не отрывая взгляда отъ акробатки. Смѣшилъ еще клоунъ, потомъ вышелъ хохолъ со скляницей горилки въ рукѣ, запѣлъ: „кумочки-голубочки, здоровеньки булы". Публика покатывалась со смѣху. И правда, былъ онъ потѣшный. А тутъ вылетѣла на сѣромъ конѣ наѣздница, ловкая, быстрая. „Хоть и грѣшно такой голой при народѣ на конѣ прыгать", думала я. „А такъ я тоже могла-бы. Ужъ если всюду грѣхъ, и въ мірѣ и въ обители — ужъ лучше на міру жить".

И порѣшила я разомъ: „Уйду въ балаганъ и стану акробаткой".

Когда мы вышли на площадь, я тотчасъ-же сказала сестрѣ, что хочу стать акробаткой. Дуняша приказала, чтобы я не молола вздору.

Ночевала я у сестры. Всю ночь видѣлись мнѣ красная дѣвочка и наѣздница на сѣромъ конѣ. Я представляла себя на ихъ мѣстѣ и всю ночь горѣла отъ моихъ мыслей пойти завтра къ директору балагана и проситься въ его театръ.

*

На утро я такъ и сдѣлала.

Когда пришла я туда, балаганный директоръ дрессировалъ лошадей. Сердце стучало, едва съумѣла я пролепетать мою просьбу. А директоръ, къ моему удивленію, сразу же согласился принять меня, хотя бы сейчасъ. Онъ даже не спросилъ о родителяхъ, откуда я взялась вообще. За руку онъ подвелъ меня къ вчерашней красной дѣвочкѣ, которая оказалась его дочерью. Тутъ-же былъ и клоунъ, и его жена-наѣздница. Сегодня она не выглядѣла такъ красиво, какъ вчера верхомъ на конѣ. А дѣвочку звали Леля. Она повела меня на квартиру, въ номера, которые были противъ балагана.

Въ номерахъ, какъ видно, жили артисты. Бѣгали неопрятные дѣтишки директора и клоуна. Пахло керосиномъ и колбасой съ чеснокомъ. Леля указала мнѣ комнату, сказавъ, что тутъ живетъ она со старшей сестрой, и если я приду въ балаганъ, то тоже буду жить съ ними.

Сестры не было дома, когда связала я въ узелокъ мои вещи и ушла, никѣмъ не замѣченная на площадь. Въ номерахъ я застала Лелю, она готовилась идти въ циркъ на представленіе. Жена директора, тощая и хмурая женщина, угощая меня чаемъ, освѣдомлялась, откуда

я родомъ да сколько мнѣ лѣтъ, а подъ конецъ сказала, что завтра утромъ всю труппу будетъ снимать фотографъ и что для меня приготовленъ голубой костюмъ, только я должна его осмотрѣть и приладить.

Странная тоска сжала мнѣ сердцѣ, когда въ этой чужой комнатѣ примѣряла я голубой, весь въ блесткахъ, нарядъ. Еще вчера и не думала, что уйду отъ сестры, не сказавъ никому, куда иду и зачѣмъ. И что подумаютъ мои старушки-монахини. А, мамочка? И думать не хочу, такъ мнѣ страшно...

Огни, яркіе уборы, музыка, гулъ толпы, я развѣялась въ циркѣ, но спалось мнѣ у Лели плохо. А утромъ послѣ чая велѣли мнѣ надѣваться и идти въ театръ, гдѣ ждалъ насъ фотографъ. Среди цирковой труппы я стояла въ боярскомъ костюмѣ. Дорого бы я дала, чтобы взглянуть теперь на этотъ портретъ.

Боярское голубое платье я приладила на себя хорошо, но директоръ приказалъ мнѣ переодѣться въ короткую юбочку для занятій.

Леля уже упражнялась на проволокѣ, а для меня положили на полъ толстый канатъ и дали въ руки длинную палку, надо полагать для баланса. А когда я научусь на полу ходить по канату, его натянутъ немного повыше и такъ я привыкну разгуливать по канату, а тамъ и на проволокѣ. Признаться, и это мнѣ нравилось неменьше боярскихъ костюмовъ.

И помню было это на другой же день. Послѣ репетицій сѣла я отдохнуть на скамейку для зрителей, а ко мнѣ подошелъ клоунъ. Отъ него пахло виномъ. Подсѣлъ онъ ко мнѣ и сталъ говорить любезности, вовсе не подходящія для женатаго человѣка. Отъ выпившаго клоуна я убѣжала въ комнату Лели. Прижалась въ уголъ, у окна, отъ страха дрожу. Вдругъ слышу спрашиваютъ

внизу Надежду Винникову. Кто-бы могъ быть, никто не знаетъ гдѣ я. А дверь уже растворилась и на порогѣ стоитъ моя мать растерянная, заплаканная.

— Такъ вотъ ты гдѣ!

Не испугай меня клоунъ я бы такъ не обрадовалась, а теперь ей не пришлось долго уговаривать меня идти домой. Она упрекала директора, что тотъ беретъ дѣвченокъ безъ спроса родителей, а я сбирала молчкомъ свой узелокъ. Послушно вышла за матерью изъ цирка. Она плакала:

— И за что наказалъ меня Господь? Терпѣть такой срамъ. Лучше бы прибралъ тебя Богъ. Ишь что вздумала: изъ святой обители, да въ арфянки. Что тебя лукавый, что-ли, осѣтовалъ?..

Мнѣ стало стыдно, что мать на улицѣ плачетъ, шумитъ — я тихонько отстала отъ нее, нырнула въ ворота. А она думала Дежка за нею идетъ и размахивала руками, и все упрекала. Я выглянула. Мать шла сгорбившись, убитая, жалкая. голова дрожитъ. И заглотала я горькія слезы. „Да, что же я дѣлаю съ мамочкой, милой моей ненаглядной“. Побѣжала, обняла ее, и въ слезахъ обѣщала ѣхать въ деревню, домой, куда хочетъ, только въ монастырь не вернусь. — „Но, мамочка будь спокойна, я Бога не потеряла. Богъ крѣпокъ въ моей душѣ“.

Мы утихли. Мать, утеревъ слезы, стала разсказывать какъ меня отыскали. Дуня, хватившись, пошла въ монастырь, а тамъ меня нѣтъ. Заволновалася Дуня и ѣхавшему въ село Винниково Афанасію наказала, чтобы мать обязательно завтра-же была въ городъ. Мать — въ Курскъ, и узнавши тутъ, что Дежка пропала, заголосила. Да сестрѣ кто-то сказалъ, что видѣли Дежку у балагановъ. Мать — туда, распрашивая всѣхъ о дѣвочкѣ Надеждѣ.

Тотъ выпившій клоунъ ей и указалъ, что кажется такая тутъ есть...

Забилась я у сестры въ уголъ и плакала отъ стыда. Теперь мать меня успокаивала:

— Не плачь, Дежка, вотъ поживемъ въ деревнѣ до іюля, а тамъ тетка Аксинья ѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, я тебя съ ней отправлю, поклонишься святымъ угодникамъ, въ пещерахъ побываешь, а за одно и у сестры Настеньки. Она уже три мѣсяца въ Кіевѣ, ея мужа туда въ солдаты угнали.

Лукава ты жизнь, бѣсъ полуденный... Тутъ-же въ горячей моей головѣ пронеслось: „Вотъ хорошо — въ Кіевъ. Тамъ вѣрно тоже есть балаганы — уйду въ балаганъ"...

*

Въ тѣ годы, въ Курскѣ, рядомъ съ монастыремъ, на Сергіевской улицѣ, стоялъ большой особнякъ милліонера купца Гладкова.

У Гладкова жила въ экономкахъ Ксенія Ивановна, старая дѣва, скромная, тихая. Я часто видала ее въ монастырѣ. Она была хороша съ моей матерью. При встрѣчѣ съ Ксеніей Ивановной мать со слезами разсказала ей про мои продѣлки и жаловалась, что я отбилась отъ рукъ и такая стала „настырная, что даже — прости Господи Дежкины прогрѣшенія — въ ахтерки сбѣжала". Ксенія Ивановна рѣшила горю помочь и сказала, чтобы меня привели къ ней. Я перечить не стала, чтобы еще больше не огорчать мать, хотя хотѣлось мнѣ домой, въ деревню, а не въ услуженіе.

Въ домѣ милліонера челяди много: три горничныхъ, лакей, повара, кучера, прачки. Меня приставали къ хозяйской дочери Наденькѣ, барышнѣ моихъ лѣтъ.

Была также при барышнѣ бѣдная родственница Варинька, намъ ровестница, большая гордячка. У Вариньки важности было больше, чѣмъ у самой барышни.

А Наденька, тезка моя, черноглазая, на видъ цвѣтущая дѣвушка, но въ домѣ всѣ дрожали надъ ней, считая почему-то за хворую. Въ отличіе отъ барышни, меня въ домѣ звали Надеждой.

Домъ важный, богатый, но я скоро привыкла. Пожилая хозяйка, полная купчиха, была со мной ласкова, и только старшая дочь Маня, хромая, вела себя надменно и сухо. Слуги ее не любили. Наденька, та бывало прикажетъ подать экипажъ и ѣдетъ по бѣднякамъ пособія раздавать, а Марія никогда.

Самъ хозяинъ дома, Николай Васильевичъ Гладковъ, высокій и грузный купчина, человѣкъ былъ не плохой, но имѣлъ привычку досадную: какъ ни пройдетъ мимо, обязательно ущипнетъ. Я первый разъ вблизи видѣла такого важнаго барина и думала:

— Баринъ, а щиплется, неужели всѣ они таковы?

А на людской, куда я ходила обѣдать, какихъ бывало розсказней не наслышишься. Узнала я на людской, что какъ померъ старый Гладковъ, дѣдъ Николая Васильевича, вырыли покойника изъ могилы и ночью приставили его пышный гробъ къ воротамъ, а вырыли его будто за то, что ворочая милліонами, былъ онъ жаденъ и не помогалъ никому. Объ этомъ запрещалось говорить въ домѣ. Услышала я такую исторію и въ сумерки стала бояться смотрѣть на ворота, гдѣ стоялъ подброшенный дѣдъ-милліонщикъ...

*

Лѣтомъ, Гладковы выѣхали на дачу, въ имѣніе, и тамъ, купаясь въ рѣкѣ, я простудилась: у меня заболѣло горло.

Въ домѣ испугались дифтерита и отправили меня въ Курскъ, въ больницу, гдѣ я черезъ недѣлю поправилась, но къ Гладковымъ уже не вернулась, а покатила въ деревню. Моему пріѣзду мать была рада-радехонька. Дуничка служила въ городѣ, Настенька вышла замужъ и жила въ Кіевѣ, братъ Николай всѣ дни въ полѣ, только Маша дома.

— А тутъ Богъ далъ, ты пріѣхала — поживи, порадуйся свѣту Божьему — говорила мнѣ мать при встрѣчѣ.

Мои Винниковскія подруги уже невѣстились, держали себя какъ взрослыя и ходили въ карагодахъ при старшихъ.

Помню, какъ-то вечеркомъ, когда я сидѣла съ матерью подъ березой у нашей избы, подошелъ къ намъ высокій человѣкъ. Присмотрѣвшись, я узнала въ немъ Сергѣя Егорыча. Былъ онъ изъ разорившихся помѣщиковъ, опустился, и сталъ чѣмъ-то среднимъ „не баринъ, не мужикъ". На деревнѣ онъ славился своей брехней, такъ его и звали: Плетень.

— Ну пошелъ плетни плесть.

Сергѣй Егорычъ былъ человѣкъ молодой, тихій и вѣжливый; игралъ хорошо на гармоніи и никогда никто не видалъ его пьянымъ.

Онъ ступилъ къ намъ, мать чего-то смутилась, а Плетень пошелъ плесть Богъ его вѣдаетъ небылицы какія, и Надеждой Васильевной меня называлъ, и просилъ погулять съ нимъ на выгонѣ.

„Вотъ тебѣ здравствуйте, съ чего вдругъ я стала Надеждой Васильевной", посмѣивалась я про себя. „И почему мать такъ смутилась"? Сергѣй Егорычъ вскорѣ ушелъ и тогда оказалось, что это онъ приходилъ свататься и что мать, напуганная моими продѣлками была готова отдать меня за Плетня замужъ. Мать за-

смущалась, заговорила, что Ягорычъ человѣкъ неплохой и женишекъ — чести приписать. Я пожелала, чтобы сама Акулина Фроловна пошла за Плетня замужъ, а я не пойду: на отрѣзъ отказала.

Средь милыхъ подругъ, средь свѣтлаго простора, быстро бѣжали дни. Ахъ эти пѣсни по зарѣ, переливы гармоніи, доносящіеся изъ лѣса, молодое приволье, молодой просторъ...

Вскорѣ женился братъ Николай, — подходила жнитва и въ домѣ была нужна работница. А въ концѣ іюля тетка Аксинья сказала матери, что ѣдетъ въ Кіевъ и меня, какъ обѣщала, возьметъ. Мать уже было раздумала отпускать, но я упросила.

Въ головѣ неотступно стояло — „балаганъ". Другихъ-то театровъ я и не знала. Наканунѣ отъѣзда, мать всю ночь сидѣла у моей постели и тихо плакала, сказывая мнѣ напутствіе:

— Ты молода, Дежка, несмышлена. Пуще всего на свѣтѣ бойся ребятъ. Они изверги лукавые, и обмануть дѣвушку, обвести, — это у нихъ, разбойниковъ за милую душу. А какъ посмѣется надъ дѣвушкой, такъ и броситъ, — она тутъ и гибнетъ. Бойся, не попадайся имъ въ лапы, а то и глазки твои потускнѣютъ и голосокъ пропадетъ...

Я слушала молча, не расспрашивая почему всѣ ребята такіе страшные; прижавшись къ матери я заснула и какія еще страсти сулила она мнѣ отъ ребятъ, уже не слыхала.

Со станціи Винниково, что теперь Орѣшно, впервые я пустилась въ долгое путешествіе. Поѣздъ тронулся, мать заплакала. Я бодрилась, но недолго. Замелькали знакомыя избы, показался надъ высокими тополями зеленый куполъ колокольни, сверкнулъ золотой крестъ, проплыли

вытрешки на выгонѣ и отошло въ свѣтлую даль родное село.

*

Мы съ теткой Аксиньей расположились въ вагонѣ третьяго класса, закусили.

Тетка уснула, а ко мнѣ подсѣли какіе-то щеголи въ суконныхъ парахъ, всячески предо мною разсыпаясь. Тутъ я вспомнила слова матери и рѣшивъ, что это и есть тѣ ребята, которымъ бойся въ лапы попасться — разбудила на всякій случай тетку: пусть сама съ ними бесѣдуетъ. Можетъ эти ребята и были хорошими людьми, да мнѣ не хотѣлось, чтобы „глазки мои потускнѣли и голосъ пропалъ"...

Кіевъ, Кіевъ, городъ огромный. Какъ мы вышли съ вокзала, тетка меня все время смѣшила: идемъ по городу, она видитъ у шляпнаго магазина вывѣску въ видѣ огромнаго цилиндра, тутъ же станетъ какъ вкопанная и удивленно разводитъ руками.

— Неужели такія головы есть?

Дивилась тоже тетка большущей галошѣ у обувнаго магазина на Прорѣзной улицѣ и заявила мнѣ, что если продаютъ такія шляпы и галоши значитъ въ Кіевѣ живутъ великаны.

Моя сестра Настенька была намъ рада. У сестры росла уже дочка Нюся.

Цѣлыми днями мы съ теткой ходили осматривать Кіевъ, бывали въ Лаврѣ, молились святымъ угодникамъ и поздно возвращались домой.

Недѣли черезъ двѣ тетка Аксинья отбыла, а я осталась у Настеньки.

Черезъ домъ отъ квартиры сестры помѣщалась большая прачешная, а хозяйкой тамъ была полная сѣдая женщина. При ней жила племянница Надя, моя одно-

лѣтка. Глаза у Нади были, какъ у японки. Вскорѣ мы познакомились и я стала съ нею дружна. Надя, щуря японскіе глаза, не разъ хвасталась, что у нея есть знакомые студенты и артисты изъ сада „Аркадія“ и что если я захочу, мы можемъ вечеромъ пойти въ садъ, а билеты намъ достанетъ артистъ Волощенко.

Пойти въ садъ, гдѣ музыка, — вотъ чудеса, я просто стала преклоняться предъ Надей. Еще-бы, такія знакомства: студенты, артисты.

Наконецъ, день желанный насталъ и въ обществѣ студентовъ мы отправились въ садъ „Аркадія“. Разноцвѣтныя гирлянды фонариковъ украшали входъ и аллею сада, гремѣлъ военный оркестръ, сновала нарядная толпа и кажется одна только я была въ косынкѣ, а всѣ въ шляпкахъ. Это меня немного смущало.

*На открытой сценѣ, когда взвился занавѣсъ, я уви*дѣла тридцать дамъ въ черныхъ строгихъ платьяхъ съ бѣлыми воротниками. Дамы стояли полукругомъ, всѣ онѣ показались мнѣ красавицами, — какія прически, какой цвѣтъ лица. И вдругъ раздался лихой маршъ:

— Шлетъ вамъ привѣтъ
Красотокъ нашъ букетъ,
Собрались мы сюда
Пропѣть вамъ господа,
Но не осудите.
Просимъ снисходить,
А впрочемъ, можетъ быть,
Сумѣемъ угодить.
Беззаботное веселье, господа,
Вотъ въ чемъ заключается жизнь наша вся.
Гдѣ играютъ, пьютъ,
Пляшутъ и поютъ,
Насъ всегда найдешь ты,
Тутъ, какъ — тутъ.

Намъ грусть-тоска — все ни почемъ,
Мы веселимся и поемъ,
Упрекъ людской — лишь звукъ пустой,
Довольны мы своей судьбой.

Волощенко, встрѣтившій насъ еще у входа съ билетами, теперь спросилъ нравится ли намъ хоръ. Онъ сказалъ, что если мы захотимъ, то можемъ въ хоръ поступить. „Еще бы не нравиться, еще бы не хотѣть, — да это лучше балагана", думала я. Тутъ-же въ саду мы и рѣшили не откладывать въ долгій ящикъ: Волощенко завтра придетъ за нами и поведетъ къ хозяйкѣ хора знакомиться.

*

Хозяйка хора, Александра Владиміровна Липкина, высокая, съ гордой осанкой, гладко причесанная, безъ всякихъ румянъ и бѣлилъ, мнѣ очень понравилась. Въ квартирѣ ея было уютно, по семейному: встрѣтила насъ чистая старушка въ бѣломъ чепцѣ — мать Александры Владиміровны, бѣгала маленькая дѣвочка, ея племянница, у образа горѣла лампада. Александра Владиміровна понравилась намъ, мы понравились ей. Мы условились завтра придти за авансомъ, заказать себѣ форму — черное и бѣлое платье, а также попробовать голоса.

Мы съ Надей были въ восторгѣ и безъ долгихъ словъ рѣшили тихонько удрать — я отъ сестры, Надя отъ тетки.

Александрѣ Владиміровнѣ мы, конечно, не сказали, что отъ родныхъ уходимъ тайкомъ: боялись что не возьметъ.

На другой день въ зимнемъ залѣ „Аркадіи" происходила моя первая репетиція, за піанино сидѣлъ Левъ Борисовичъ Липкинъ, а вокругъ него стоялъ хоръ. Помнится, разучивали „маршъ-пророкъ":

Когда мы вошли, Левъ Борисовичъ сказалъ:

— А ну, двѣ Надежды, покажите какіе у васъ голоса.

Мнѣ было стыдно: всѣ разглядывали насъ. Липкинъ далъ аккордъ, я взяла дрожащимъ голосомъ ноту.

— Смѣлѣй, смѣлѣй!

Я взяла смѣло.

— *Ого, хорошо.*

Въ уголкѣ сидѣла дама въ черномъ платьѣ. Липкинъ позвалъ ее:

— А ну, Люба, спой свое соло, пусть Надя послушаетъ, она можетъ пѣть съ тобой контральтовую партію въ пророкѣ.

Люба откашлялась.

— Ангелъ Хранитель, укажи мнѣ спасеніе — вдругъ рванула она — Мой покровитель дай утѣшеніе. Сердце уныло въ горькомъ томленіи, кровь вся застыла отъ упоенія...

Она фальшивила; но у нея былъ не голосъ, а голосище, я даже оторопѣла. А Липкинъ разсердился:

— Фальшь, фальшь. Ну, дубъ ты этакій, повтори еще, а ты, Надежда, слушай, запоминай.

Люба пропѣла снова. Мнѣ дали написанныя слова, а мотивъ я легко запомнила и, къ большому удовольствію Льва Борисовича, пропѣла соло безъ ошибки.

— Вотъ и прекрасно — радовался онъ — теперь Люба не собьется.

А у Нади съ глазами японки голоса не оказалось.

На сценѣ репетировали какіе-то танцы и насъ послали туда, къ руководительницѣ. Ее также звали Надежда, по фамиліи Астродамцева. Скромно одѣтая, блѣдная женщина, встрѣтила насъ словами:

— Ну, тёзки, покажите ваши таланты. Вотъ — ты, станцуй гопака, — обратилась она къ Надѣ.

Та протанцовала, ее одобрили. Настала моя очередь.

— Сдѣлай такъ, сказала Астродамцева и показала мнѣ „па“.

Я пробовала, но вышло что-то плохо: смутилъ меня „гопакъ“. У насъ въ деревнѣ эта фигура называется — „черезъ ножку“ и дѣвушки у насъ никогда такъ не прыгаютъ, онѣ танцуютъ плавно, а прыгаютъ черезъ ножку только парни. Но меня заставляли пробовать именно „черезъ ножку“, которая тутъ называлась „па-де-басъ“. Астродамцева покрикивала, чтобы я не держала рукъ передъ носомъ, а отбрасывала ихъ широко по сторонамъ. „Ну хорошо“, подумала я, „отбрасывать — такъ отбрасывать“ и такъ размахнулась вправо, влѣво, что кругомъ засмѣялись, а Астродамцева отскочила:

— Ну, ты, деревня, чуть мнѣ зубы не вышибла... Но толкъ изъ тебя, вижу, выйдетъ.

Въ хоръ я была принята. Намъ положили восемнадцать рублей жалованія въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ.

А что дѣлалось послѣ нашего бѣгства дома, мы не знали, да и не думали: насъ захватила новизна.

Въ хору всѣ пѣвцы были женатыми, и дѣлился хоръ на семейныхъ, на ученицъ и хористокъ, и на дамъ, распологавшихъ собой, какъ имъ заблагоразсудится. Семейные выносили всю тяжесть программы. Это были потомственные и почетные труженики эстрады, они выступали по нѣсколько разъ въ вечеръ, такъ какъ нашъ директоръ Липкинъ долженъ былъ давать въ „Аркадіи“ программу въ 12—15 нумеровъ. Ученицъ въ хору было шесть, всѣ подростки, въ ихъ числѣ и я. Насъ обучали для капеллы и держали въ ежовыхъ рукавицахъ: дѣвченокъ никуда не пускали самостоятельно по городу. Послѣ программы

кормили насъ ужиномъ и гнали спать, хотя, правда, программа кончалась въ два часа ночи, но по ресторанному это рано.

Въ первый разъ надѣла я черное платье и въ модной прическѣ вышла съ хоромъ на сцену, когда пѣла съ Любой „соло-пророкъ". Волненіе мое было велико. Я стояла справа, первой, и боялась, какъ-бы мнѣ отъ волненія не свалиться въ оркестръ. Въ головѣ шумъ, звонъ — ужъ какое тутъ соло, даже не помню, когда мнѣ выступать: вся надежда на Любу. Тутъ меня ободрилъ выразительный взглядъ Льва Борисовича, я поняла, что вступать скоро. Тутъ-же случилось чудо: Люба вступила во время, я за ней. Левъ Борисовичъ улыбался изъ-за піанино; ну, значитъ, ничего. Дѣйствительно, мой первый дебютъ сошелъ, слава Богу, хорошо...

*

Вскорѣ послѣ дебюта я узнала отъ Александры Владиміровны непріятную новость: труппа ѣдетъ на двѣ недѣли въ Курскъ, а оттуда въ Царицынъ на Волгу.

Ошеломленная извѣстіемъ, я призналась Липкиной, что изъ дому удрала, и что въ Курскъ ѣхать боюсь, а разстаться съ труппой, къ которой уже попривыкла, мнѣ жаль. Что тутъ дѣлать? Съ милой подругой Надей у насъ былъ совѣтъ, на которомъ мы порѣшили, что мнѣ въ Курскъ ѣхать, но на улицѣ не показываться до самаго отъѣзда въ Царицынъ.

Знаю, я поступила съ родными жестоко, не написала имъ о себѣ. Сама въ душѣ я страдала, но боялась написать, что-бы меня не искали.

Съ какой тревогой я садилась въ поѣздъ, который увозилъ нашъ хоръ въ Курскъ. Помню среди ночи, въ вагонѣ, я проснулась. Поѣздъ стоялъ. Издали наплывалъ бархатный звонъ и я сразу узнала родные колокола: мы

пріѣхали въ Курскъ въ три часа, на разсвѣтѣ, когда тамъ къ ранней гудятъ колокола. Побѣжать-бы по полямъ, черезъ лѣсокъ, мимо деревенскаго храма, прямо въ нашу избу, гдѣ еще отдыхаетъ отъ трудовъ своихъ мать, обнять-бы родную, шепнуть „мама я здѣсь“ и заглянуть въ знакомые уголки и помолиться у креста, на отцовой могилѣ.

Рано утромъ мы переѣзжали черезъ городъ въ „Европейскую гостиницу“ и по дорогѣ я вспомнила, что моя сестра Дуня обзывала эту гостиницу „непристойнымъ мѣстомъ“. Какъ то разъ, когда я была еще въ монастырѣ, шли мы съ Дуней по главной улицѣ и встрѣтили двухъ дамъ очень ярко и нарядно одѣтыхъ. На мой вопросъ, кто онѣ, сестра съ презрѣніемъ отвѣтила, что это арфянки изъ „Европейской гостиницы“ и даже плюнула.

Понятно, какъ велико было мое опасеніе, чтобы кто не увидѣлъ, какъ я буду входить въ „непристойное мѣсто“.

Но переѣздъ прошелъ благополучно. Размѣстили насъ ученицъ, въ большой комнатѣ, а рядомъ устроились семейства артистовъ и сами хозяева хора. Болѣе шумный народъ поселился отъ насъ далеко, въ другомъ концѣ корридора.

Я кромѣ репетицій — никуда, а надъ голосомъ работала усердно. Уже мнѣ пророчили, что изъ меня выйдетъ хорошая капеллистка.

Но ненадолго хватило терпѣнія отбывать добровольный арестъ и сидѣть безвыходно дома. Какъ преступника тянетъ къ мѣсту преступленія, такъ и меня тянуло погулять по Московской улицѣ, да заглянуть въ монастырскій дворъ, откуда когда-то удралъ Паучокъ.

По мудрымъ совѣтамъ подружки Нади, я надѣла для этой прогулки шляпку съ большими полями и густую вуаль, одолживъ и то и другое у нашихъ пѣвицъ. Когда

я такъ нарядилась и посмотрѣла въ зеркало, то собой осталась довольна: узнать меня трудно, я сама не узнала въ зеркалѣ Дежку. Шляпу я надѣла впервые и она особенно мѣняла мое лицо.

Такъ мы вышли съ Надей изъ гостиницы и поднялись на гору, къ Московской улицѣ. Никто изъ знакомыхъ не встрѣтился намъ по пути. Пауки на вуалькѣ мѣшали мнѣ смотрѣть и я, не привыкшая къ такому жестокому украшенію, откинула вуаль съ лица. Съ волненіемъ миновали мы домъ, гдѣ живетъ сестра. Все благополучно.

Но когда повернули обратно, вдругъ вижу, изъ воротъ выбѣжала сестра Дуня въ большомъ платкѣ. Повидимому куда-то спѣшила.

Мы повстрѣчались.

Мелькомъ взглянувъ на меня, близко, слегка задѣвъ локтемъ, прошла она. И вотъ, словно что вспомнивъ, повернула, забѣжала впередъ, заглянула мнѣ подъ шляпку и поблѣднѣла.

— А-а, барышня, пожалуйте-ка домой.

Схватила меня за руку, повела за собой. Я растерялась, сестра Дунечка дрожала, она думала, что ведетъ за собой погибшее созданіе въ шляпкѣ. Я понимала, какъ мнѣ будетъ трудно убѣдить сестру, что вовсе не такая я скверная и что хотя „Европейская гостиница" мѣсто не очень пристойное, но все же и тамъ есть уголокъ чистоты.

Дуня привела меня въ кухню, сорвала съ меня шляпку, бросила объ полъ, строго крикнула:

— Сиди!

И быстро ушла въ мастерскую, къ хозяину. Я сообразила, что она хочетъ взять отпускъ, чтобы немедленно отправиться со мною въ деревню и рѣшила дѣйствовать. Подняла съ полу эту несчастную пѣвичкину шляпку и

бросилась изъ кухни на дворъ. Выбѣжала на улицу, крикнула извозчика, сунула ему рубль:

— Гони, что есть духу въ „Европейскую“.

Извозчикъ вѣрно не удивился, что ему такъ щедро заплатили разъ „барышня“ изъ „Европейской“.

Онъ домчалъ меня скоро, погони не было и я успокоилась, но швейцару наказала:

— Если будутъ спрашивать Винникову, скажи, что такой нѣтъ.

Швейцаръ мнѣ подмигнулъ:

— Понимаю.

Я больше на улицу ни ногой. Черезъ недѣлю уѣдемъ въ Царицынъ и дѣлу конецъ.

А съ Надей, подругой, я крѣпко поссорилась, — зачѣмъ убѣжала, когда сестра потянула меня за собой.

*

Наканунѣ отъѣзда въ Царицынъ, послѣ репетиціи, спускалась я, помню, внизъ по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату, безпечно напѣвая только-что разученную пѣсню.

Но вдругъ оборвался голосъ, я сама отъ неожиданности поскользнулась, и чуть не покатилась со ступенекъ: въ дверяхъ гостиницы стояла сестра Дунечка и молча смотрѣла на меня.

Бѣжать было некуда. Растерянно я стала приглашать ее зайти.

— Я, въ этотъ, въ этотъ... Ополоумѣла ты, непутная — сказала Дуня дрожащимъ голосомъ. — Ты сама выйди, мать плачетъ, сейчасъ же иди сюда.

Видно было, что разговаривать съ ней невозможно. Казалось, она даже была готова меня побить.

Я вышла на улицу и увидѣла мать; она стояла сгорбившись, такая жалкая. По исхудавшему лицу текли слезы. Плакала и Дуня.

— Мамочка, ну пойдемъ ко мнѣ. Я покажу тебѣ гдѣ живу — просила я мать, но она не слушала, упрекала:

— И въ кого ты уродилась? Родила тебя на свое великое горе. Глаза бъ мои не глядѣли въ какое мѣсто пошла. И какъ тебя земля носитъ.

Корила меня, а слезы лились по морщинистому лицу.

— Пойдемъ, посмотри, мама, пойдемъ — молила я. Мать жалобно посмотрѣла на сестру, та молчала.

— Ну пойдемъ — вздохнула мать. — А ты Дуняша?

— Я не *пойду*...

Привела я мать въ комнату Александры Владиміровны. Тамъ у образовъ горѣла лампада. Бабушка въ бѣломъ чепцѣ сидѣла въ креслѣ тихо, играя съ внучкой. Мать этого никакъ не ждала. Она помолилась на образа, оглядѣлась:

— О, да тутъ и старушка, Божій даръ, и лампадочка, знать не совсѣмъ Бога забыли.

Мать любовно посмотрѣла на меня.

Вошла Александра Владиміровна и совсѣмъ мать мою покорила:

— Акулина Фроловна, ваша Дежка съ талантомъ. Мы ее вымуштруемъ и она будетъ хорошей артисткой.

— Да что съ ней подѣлаешь? Все равно убѣжитъ. Вишь, какая она востроглазая. Вотъ пойду съ батюшкой да съ наставницами посовѣтуюсь. Ужъ очень большой грѣхъ быть актеркой, но видно съ Богомъ-то и вездѣ можно жить. А ты, Дежка, что скажешь, можно тутъ жить и душу не загубить?

Я сказала, что прошу оставить меня здѣсь, а сохранить себя можно вездѣ, это зависитъ отъ самого человѣка.

— Такъ-то оно, такъ, только если-бъ отецъ твой былъ живъ, онъ бы съ тебя кожу спустилъ за этакія выдумки.

Сидѣла мать у насъ долго и совсѣмъ успокоилась.

— Ну вотъ что Александра Владиміровна, бери ты ее, сказала она подъ конецъ — да бей ты ее если слушаться не будетъ. Вотъ передъ Богомъ, отдаю тебѣ Дежку.

И заплакала и благословила меня.

— Слава Богу, что хоть нашлась, а то ночи не спала, все думала о тебѣ, непутевая ты моя Дежка.

Слава Богу — гора съ плечъ. Мать дозволила мнѣ ѣхать въ Царицынъ и въ день отъѣзда она и Дунечка провожали меня на вокзалъ. Мать тамъ сказала, что совѣтовалась съ матушкой Милетиной, а та ей отвѣтила — всякому свое на роду написано. Мать меня пожурила:

— Горевала больно матушка Милетина, что ты къ ней не зашла.

Я передала Милетинѣ мой послушный поклонъ и прощальный привѣтъ.

*

Поѣздъ тронулся въ путь далекій, въ новый путь, „во святой часъ со молитовкой", какъ Потапъ Антонычъ говаривалъ.

А въ Царицынѣ я впервые увидѣла нашу милую Александру Владиміровну на сценѣ.

Я и не знала раньше, что она такъ задушевно и просто пѣла народныя пѣсни. Не мудрено, что публика ее встрѣчала любовно. Она и не знала съ какой жадностью, съ какимъ горячимъ восторгомъ, я слушала ея пѣніе...

Бывало сидитъ моя мать за прялкой и поетъ тихо, а у самой слезы. Пѣла она для себя, уходила въ печаль

пѣсни, а я бывало, выбѣгу на полянку въ вешній день, осмотрюсь кругомъ на Божій миръ и нахлынетъ вдругъ на душу пресвѣтлая радость и зальетъ сердце счастьемъ. И не знаешь, откуда такое счастье взялось, кого благодарить, какими словами — душа возликуетъ и сама зальешься радостной пѣсней. А слушаютъ только цвѣтики-травы, свѣтлый просторъ, да птицы щебечутъ, точно на перегонки славя Того Дателя Радостей, Кто наполнилъ всю вселенную такою красой...

Слушая Александру Владиміровну я думала, что хорошо радоваться и горевать съ пѣсней наединѣ, но еще лучше стоять вотъ такъ, передъ толпой, и разсказывать людямъ про горькую долю-долюшку горемычную, про то, какъ „гулюшка голубокъ, сизы перья горкунокъ" подслушалъ тоску дѣвичью, что отдаютъ за постылаго. А то завести людей во зеленый садъ, гдѣ „поютъ-рыдаютъ соловушки", а то позвать въ хороводы, въ карагоды веселые. „Вотъ, если бы я могла стоять на мѣстѣ Александры Владиміровны". Я слушала ея пѣсни, а сама горѣла.

Съ благодарностью вспоминаю милую Александру Владиміровну. Правда, она меня не била, какъ ей наказывала мать, но держала меня въ желѣзныхъ рукахъ. А когда я заболѣла волжской лихорадкой, точно мать ухаживала за мною. Вечеромъ всѣ наши уходили, но Александра Владиміровна не разъ прибѣгала посмотрѣть на меня, а если была занята, кого-нибудь присылала. Тогда, чаще всего, приходила одна хористка, Шура Крошка. Эта крошка была огромнаго роста и пудовъ восьми вѣсу, но на могучихъ плечахъ красовалась на рѣдкость прелестная, веселая головка. Она была доброты необычайной: для всѣхъ сестра милосердная. Если надо повернуть больного, Крошка какъ ребенка

брала его на свои могучія руки. Если у кого горе, къ кому пойти? Къ Крошкѣ. Кто слезы осушитъ? Крошка. У больныхъ по ночамъ подежуритъ? Крошка.

Откуда она взялась въ кабакѣ, Богъ ее знаетъ. Обыкновенно принято думать, что въ кафешантанѣ много темной мерзости, а добра и свѣта ни капли нѣтъ.

Я не могу защищать увеселительныхъ мѣстъ, тамъ много зла. Но должна сказать, что встрѣчала и тамъ совершенно чистыхъ, хорошихъ людей, и никакая грязь ихъ не касалась.

Бывали у насъ въ хору молодыя дѣвушки, кончавшія институты. Одна такая дѣвушка, блѣдная красавица, когда приходила къ ней мать, благообразная и почтенная съ виду дама, просила, рыдая, матери къ ней не пускать. Казалась намъ странной ея рыдающая ненависть. Потомъ мы узнали, что эта благообразная родительница продала ея дѣвичью чистоту какому-то старику.

А солистка нашего кафешантаннаго хора была вдова, съ двумя дѣтьми. Она блестяще окончила Петербургскую консерваторію, а служила въ кабакѣ потому, что боялась большой сцены и не рѣшалась пѣть въ оперѣ. А дѣтей кормить надо. Вотъ и носила всюду за собой эта чудная мать презрительную кличку „кафешантанная пѣвичка". Сорокъ человѣкъ было насъ и я не ошибусь, если скажу, что больше половины хора были честные труженики и скромные люди, а остальнымъ, правда, все было трынъ-трава. Но насъ, кафешантанныхъ, конечно, валили въ одну кучу.

Въ тяжелыя времена нашего изгнанія рестораны и кафешантаны биткомъ набиты дамами лучшего общества и теперь онѣ сами знаютъ, что все зависитъ отъ себя, быть дурной или остаться хорошей. „Кабакъ" — что

и говорить — скользкій путь, круты повороты, крѣпко держись, а не то, смотри, — упадешь.

*

Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычайно: изъ деревни въ монастырь, изъ монастыря въ шантанъ. Но развѣ меня тянуло туда чувство дурное? Когда шла въ монастырь, желала правды чистой, но почуяла тамъ, что совершенной чистоты-правды нѣтъ. Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаганъ сверкнулъ внезапнымъ блескомъ и почуяла душа правду иную, высшую правду — красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную.

Вотъ и шантанъ. Видѣла я тамъ хорошее и дурное, бывало мутно и тяжко душѣ, — охъ какъ, — но „прыгать" то было некуда. Дежка вѣдь еле умѣла читать и писать, учиться не на что. А тутъ пѣть учили. И скажу еще, что простое наставленіе матери стало мнѣ посохомъ, на который крѣпко я опиралась: „голосокъ" мнѣ былъ нуженъ, да и „глазки" хотѣлось, чтобы тоже блестѣли...

Вспоминаю, какъ пріѣхалъ въ Царицынъ хоръ Славянскаго.

Я тогда ходила, какъ потерянная, завороженная, и слушая его, стала гордиться, что и я русская. А самъ Славянскій казался мнѣ славнымъ богатыремъ изъ древнихъ бывальщинъ, какія мнѣ сказывали въ дѣтствѣ. Русская пѣсня — просторъ русскихъ небесъ, тоска степей, удаль вѣтра. Русская пѣсня не знаетъ рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертямъ, тогда ей удержу нѣтъ. И нѣтъ такого музыканта, который могъ-бы записать музыку русской души; нотной бумаги, нотныхъ знаковъ не хватитъ. Несмѣтныя сокровища тамъ

таятся — только ключъ знать, чтобы отворить сокровищницу. „Ключъ отъ пѣсни не далешенько зарытъ, въ сердце русское пусть каждый постучитъ"...

Славянскій уѣхалъ, а нашъ хоръ пробылъ въ Царицынѣ еще годъ.

Изъ Царицына мы потянулись въ Астрахань.

Въ самомъ концѣ сезона, когда мы собирались уже на зиму въ Кіевъ, въ „Аркадію", у насъ случилось несчастье: милую Александру Владиміровну... украли, ну-да, просто украли. *Только много позже выяснилось, что ее укралъ* богачъ персъ и увезъ на своей яхтѣ въ Баку. Левъ Борисовичъ Липкинъ, горячо любившій жену, едва не кончилъ самоубійствомъ, да мы во время досмотрѣли. Объ Александрѣ Владиміровнѣ не было ни слуху ни духу и безъ нее мы перебрались въ Кіевъ.

Новая дирекція сада „Аркадія", „не останавливаясь ни передъ какими затратами", рѣшила устроить открытіе на широкую ногу и, что называется, съ помпой. Послѣ *молебна, въ заново отремонтированномъ двухсвѣтномъ* залѣ состоялся парадный обѣдъ для артистовъ и служащихъ. Господинъ директоръ „Аркадіи", Васька Шкорупеловъ, бывшій оффиціантъ, обратился къ лакеямъ съ такой блестящей рѣчью:

— Смотрить мини, охвиціанты, шобъ мини було усе у порядкѣ, шобъ съ господами почище, съ посудою по-интэлэгентѣе...

Всѣ разсмѣялись, а Васька Шкорупеловъ и не замѣтилъ, что перепуталъ. Открыли садъ „съ помпой", но безъ Липкиной. Въ хору чего-то не доставало.

Самъ Липкинъ съ горя запилъ и къ концу сезона нашъ хоръ развалился.

Липкинъ на произволъ судьбы насъ не бросилъ и всѣхъ ученицъ изъ своей капеллы устроилъ въ польскую

балетную труппу Штейна, которая тогда пріѣхала на гастроли въ „Шато-де-флеръ".

Мы радовались, что поступили въ хорошую труппу. Тамъ были танцовщицы и танцоры Варшавскаго правительственнаго театра: прима-балерина Завадская, уже пожилая, но танцовщица отличная; первыя танцовщицы: Згличинская, Токарска, и танцоры: Бохенкевичъ, Устинскій и Плевицкій. Балетмейстеромъ былъ Ваньковскій. А балетъ иногда ставилъ Нижинскій.

Насъ ученицъ, по нашимъ балетнымъ знаніямъ, ставили въ послѣднія пары, „у воды". Но съ нами занимались, а мы работали съ усердіемъ и черезъ годъ я уже танцовала въ дивертиссементѣ „Оберекъ", „Матлотъ", „Соло", а немного позже писала матери, что служу въ балетѣ, хотя была увѣрена, что мать не знаетъ, что за птица балетъ. Я ей поясняла, что Дежка танцуетъ и даже неудачно пытается стать на носки. Въ томъ же письмѣ я просила мать дать мнѣ благословеніе на бракъ съ солистомъ нашего балета Эдмундомъ Мячеславовичемъ Плевицкимъ.

Благословеніе мать дала, и вскорѣ я была уже не Надя Винникова, а Надежда Плевицкая.

Мы много работали и все шло хорошо, но въ одну неудачную поѣздку по украинскимъ городамъ, нашъ директоръ Штейнъ прогорѣлъ и тайкомъ скрылся, не заплативъ жалованья. Въ труппѣ поднялся переполохъ, каждый старался куда-нибудь устроиться.

На наше счастье въ Кіевъ пріѣхала труппа Манкевича и мы съ мужемъ поступили туда. Въ то время у Манкевича служилъ простакъ Михаилъ Проценко, нынѣ талантливый комикъ петербургской оперетты Михаилъ Ростовцевъ, и теноръ Василій Горевъ, тоже талантливый

опереточный простакъ. Моего мужа Манкевичъ принялъ на должность балетмейстера.

*

Съ труппой Манкевича я впервые попала въ Санктъ-Петербургъ.

На Крестовскомъ островѣ былъ тогда знаменитый загородный ресторанъ. Зимой туда мчались ковровыя тройки, хохотали бубенцы, кутались въ заиндевѣлые соболя „гости дорогіе"...

Полонъ сверкающій залъ. Цвѣты, огни брилліантовъ, сіяютъ глаза, мелькаютъ лица холеныя, барскія.

Въ зимнемъ саду, подъ темными лаврами, сидятъ новодеревенскія старухи-цыганки, зорко слѣдя за своими смуглыми внучками, какъ бы не улыбнулись лишній разокъ блестящему гусару или рослому кирасиру. У цыганъ строго: если какая сверкнетъ чернымъ глазомъ на барича, старая цыганка забезпокоится, подзоветъ:

-- Ты проси лучше барина, чтобы хоръ пѣлъ, а лясы точить нечего.

Хоровъ было много: цыганскій, русскій, венгерскій, малороссійскій, итальянцы и мы лапотники Манкевича.

Въ праздники у насъ было время посѣщать дневные спектакли. Бывали и въ Маріинскомъ, въ балетѣ, слушали и оперу, но чаще ходили въ оперу въ Народный домъ. Это намъ было доступно. Театръ былъ моимъ отдыхомъ и моей школой...

Пять лѣтъ прослужили мы въ труппѣ Манкевича. Я уже тамъ премьерствовала. Манкевичъ, самъ бывшій оперный пѣвецъ, всегда настаивалъ, чтобы я пѣла только народныя пѣсни. Давно уже меня приглашали въ Москву

къ „Яру", но я все не хотѣла покидать труппу, съ которой за эти годы сжилась.

Но послѣ долгихъ колебаній согласилась я, наконецъ, принять ангажементъ въ Москву. Директоромъ „Яра" былъ тогда Судаковъ. Чинный и строгій купецъ, онъ требовалъ, чтобы артистки не выходили на сцену въ большомъ декольтэ: къ „Яру" московскіе купцы возятъ своихъ женъ и „Боже сохрани, чтобы какого неприличія не было". Старый „Яръ" имѣлъ свои обычаи и нарушать ихъ никому не полагалось. При первой встрѣчѣ со мной Судаковъ раньше всего спросилъ большое-ли у меня декольтэ. Я успокоила почтеннаго директора, что краснѣть его не заставлю. Первый мой дебютъ былъ удаченъ. Не могу судить, заслужено или не заслужено, но успѣхъ былъ.

Москвичи меня полюбили, а я полюбила москвичей.

А сама Москва - Бѣлокаменная, наша хлѣбосольная, румяная, ласковая боярыня, кого не заворожитъ.

Кланяюсь тебѣ земно, издалека, матушка наша. Улыбнись мнѣ прежней улыбкой и прости, что можетъ мало тебя, родная, цѣнила.

*

Въ Москвѣ успѣхъ у меня былъ большой и потому предложеній было много.

На зиму я возобновила контрактъ къ „Яру", а на осень, за большой гонораръ, подписала контрактъ на Нижегородскую ярмарку, къ Наумову. По программѣ я стояла послѣдней и выступала въ половинѣ перваго ночи.

Въ залѣ обычно шумѣли. Но когда на занавѣсъ выбрасывали аншлагъ съ моимъ именемъ, зало смолкало. И было странно мнѣ, когда я выходила на сцену: предо

мной стояли столы, за которыми вокругъ бутылокъ тѣснились люди. Бутылокъ множество и выпито вѣроятно не мало, а въ залѣ такая страшная тишина.

Чего притихли? Вѣдь только что предо мной талантливая артистка, красавица, пѣла очень веселыя игривыя пѣсни, и въ залѣ было шумно.

А я хочу пѣть совсѣмъ невеселую пѣсню. И они про то знаютъ, и ждутъ. У зеркальныхъ стѣнъ, опустивъ салфетки, стоятъ, не шевелясь, лакеи, а если кто шевельнется, всѣ посмотрятъ, зашикаютъ. Такое необычайное вниманіе я не себѣ приписывала, а русской пѣснѣ. Я только касалась тѣхъ тихихъ струнъ, которыя у каждаго человѣка такъ свѣтло звучатъ, когда ихъ тронешь...

Помню, какъ-то за первымъ столомъ, у самой сцены, сидѣлъ старый купецъ, борода въ серебрѣ, а съ нимъ другой, помоложе. Когда я запѣла „тихо тащится лошадка", старикъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на меня и вдругъ, точно разсердясь, отвернулся. Молодой что-то ему зашепталъ, сконфузился.

Я подумала, что не нравится старому купцу моя пѣсня, онъ пришелъ сюда веселиться, а слышитъ печаль.

Но купецъ повернулъ снова къ сценѣ лицо и я увидѣла, какъ по широкой бородѣ, по серебру, текутъ обильныя слезы. Онъ за то разсердился, что не могъ удержаться, на людяхъ показалъ себя слабымъ.

Заканчивала я, помню еще, свой номеръ „Ухарь-Купецъ". Послѣ словъ „а дѣвичью совѣсть виномъ залила", подъ бурный темпъ, махнувъ рукой, уходила я за кулисы въ горестной пляскѣ, и вдругъ слышу изъ публики, среди рукоплесканій: —

— Народная печальница плясать не смѣетъ.

Видно, кто-то не понялъ моей пляски, а пляской-то я и выражала русскую душу: вотъ плачетъ-надрывается русскій, да вдругъ какъ хватитъ кулакомъ, шапкой о земь, да въ плясъ.

*

Когда я пѣла въ ресторанѣ Наумова, въ нижегородскомъ оперномъ театрѣ гастролировалъ Собиновъ.

Разъ онъ пришелъ къ Наумову ужинать. Во время моего выхода, онъ, какъ видно, наблюдалъ публику, а потомъ зашелъ ко мнѣ, познакомился, и сказалъ:

— Заставить смолкнуть такую аудиторію можетъ только талантъ. Вы талантъ.

Всякій пойметъ мое радостное волненіе, когда я услышала изъ устъ большого художника, которымъ гордилась Россія, такія лестныя для себя слова.

А Леонидъ Витальевичъ оказалъ мнѣ и еще большую честь: онъ пригласилъ меня пѣть въ своемъ концертѣ, который устраивалъ съ благотворительной цѣлью въ оперномъ театрѣ.

Распрощавшись со мной, Собиновъ ушелъ. Онъ и не зналъ вѣрно тогда, что благодаря ему выросли у меня сильныя крылья.

На другой день мнѣ доложили, что меня желаетъ видѣть Собиновъ. Я была чрезвычайно польщена. Помню, онъ принесъ мнѣ букетъ чайныхъ розъ и подтвердилъ приглашеніе на завтрашній концертъ.

Шутка-ли, пѣть первый разъ въ большомъ театрѣ, да еще съ Собиновымъ?

Я глубоко волновалась, надѣла лучшій туалетъ, какой у меня только былъ, и съ трепетомъ вошла въ театръ.

Въ концертѣ участвовали Собиновъ, Фигнеръ, Ренэ Фигнеръ, еще оперные пѣвцы, и я между ними — совершенное своенравіе и музыкальное беззаконіе.

Занавѣсъ взвился. Вышелъ Леонидъ Витальевичъ.

Разсказывать не приходится, какъ онъ пѣлъ, и какъ дрожалъ театръ отъ рукоплесканій. Послѣ него пѣлъ дуэтъ оперныхъ пѣвцовъ, а за дуэтомъ вышла я.

Сначала я такъ трепетала, чуть не падала, но послѣ первой пѣсни горячія рукоплесканія сблизили меня съ публикой. Я совсѣмъ перестала волноваться и захотѣлось мнѣ разсказать пѣсню простую, печальную...

Мой огромный успѣхъ доставилъ Собинову большое удовольствіе. Я видѣла, какъ онъ радостно потиралъ руки, а его глаза сіяли.

На утро въ мѣстной газетѣ былъ отзывъ о концертѣ. Обо мнѣ тамъ было написано, что кафешантанная пѣвица тоже какъ-то попала среди артистовъ. Леонидъ Витальевичъ ѣздилъ въ редакцію, сказалъ нѣсколько непріятныхъ словъ писавшему, и далъ понять, что онъ Собиновъ тоже что-нибудь да понимаетъ въ искусствѣ.

Я не была знакома съ Леонидомъ Витальевичемъ раньше и Нижній — мое первое съ нимъ знакомство.

Кто имѣетъ удовольствіе знать лично Собинова, тѣмъ извѣстно сколько въ немъ благородной простоты большого артиста и хорошаго человѣка.

Благодарна я ему и понынѣ, что онъ поставилъ меня рядомъ съ собою на почетные подмостки большого театра въ тысяча девятьсотъ девятомъ году.

*

На 1909 годѣ я покуда и кончу разсказъ, а въ другой книгѣ „Мой Путь" хотѣла бы я разсказать о пути моемъ уже съ пѣсней, о многихъ встрѣчахъ, о многихъ людяхъ и о томъ какъ вернулась въ родное село уже не Дежка Винникова, а Надежда Плевицкая.

*

Вотъ думала, гадала-ли я, что надъ озеромъ, во Франціи, въ Медонскомъ лѣсу, буду я вспоминать село Винниково и пѣсни подругъ и тихое бормотаніе прялокъ въ зимніе вечера.

Далеко меня занесла лукавая жизнь,

А какъ оглянусь въ золотистый дымъ лѣтъ прошедшихъ, такъ и вижу себя скорой на ногу Дежкой въ узенькомъ затрапезномъ платьишкѣ, что по румяной зоркѣ гоняется въ конопляхъ за пострѣлятами-воробьями.

Вижу, какъ носится Дежка-игрунья въ горячемъ волненіи карагодовъ, — отъ солнца, отъ пляски, льютъ вишневый блескъ шелка полушалокъ, паневы да кички кипятъ огненной пѣной.

И вижу, какъ плавно ступаетъ по монастырскому двору, что краснымъ кирпичемъ въ елочку вымощенъ, тоненькая, словно березка, тихая монастырка Надежда, и строгій платъ до бровей...

Съ обрыва видна дальняя даль: синѣютъ лѣса святорусскіе, дымъ деревень, пески, проселки-дороги, хлѣба. Вотъ облака-паруса освѣтило кроткимъ румянцемъ, заря, моя зорюшка, нѣжная, алая, свѣтъ тишайшій надъ Русью.

Поднять-бы къ ней руки, запѣть, позвать-бы дальнюю-даль.

И вдругъ попалылъ гулъ, бархатистый, дрожащій, отдался въ ушахъ щекоткой и звономъ: Чудо-Колоколъ къ ранней ударилъ. Аминь.

Медонъ, 10 іюля 1924 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр

ПЕРЕЧЕНЬ ПОРТРЕТОВЪ:

Настоящая книга отпечатана въ январѣ 1925 года подъ наблюденiемъ издательства „Петрополисъ" и Ивана Лукаша. Клише изготовлены въ художественномъ заведенiи А. Фриша въ Берлинѣ. Обложка работы художника Н. Зарѣцкаго.